

СПЕЦВЫПУСК

ДЕКАБРЬ/2018
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБЫ

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

№12 (153)

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ВОЙНЫ

4

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗЛОЖЕНИЮ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

10

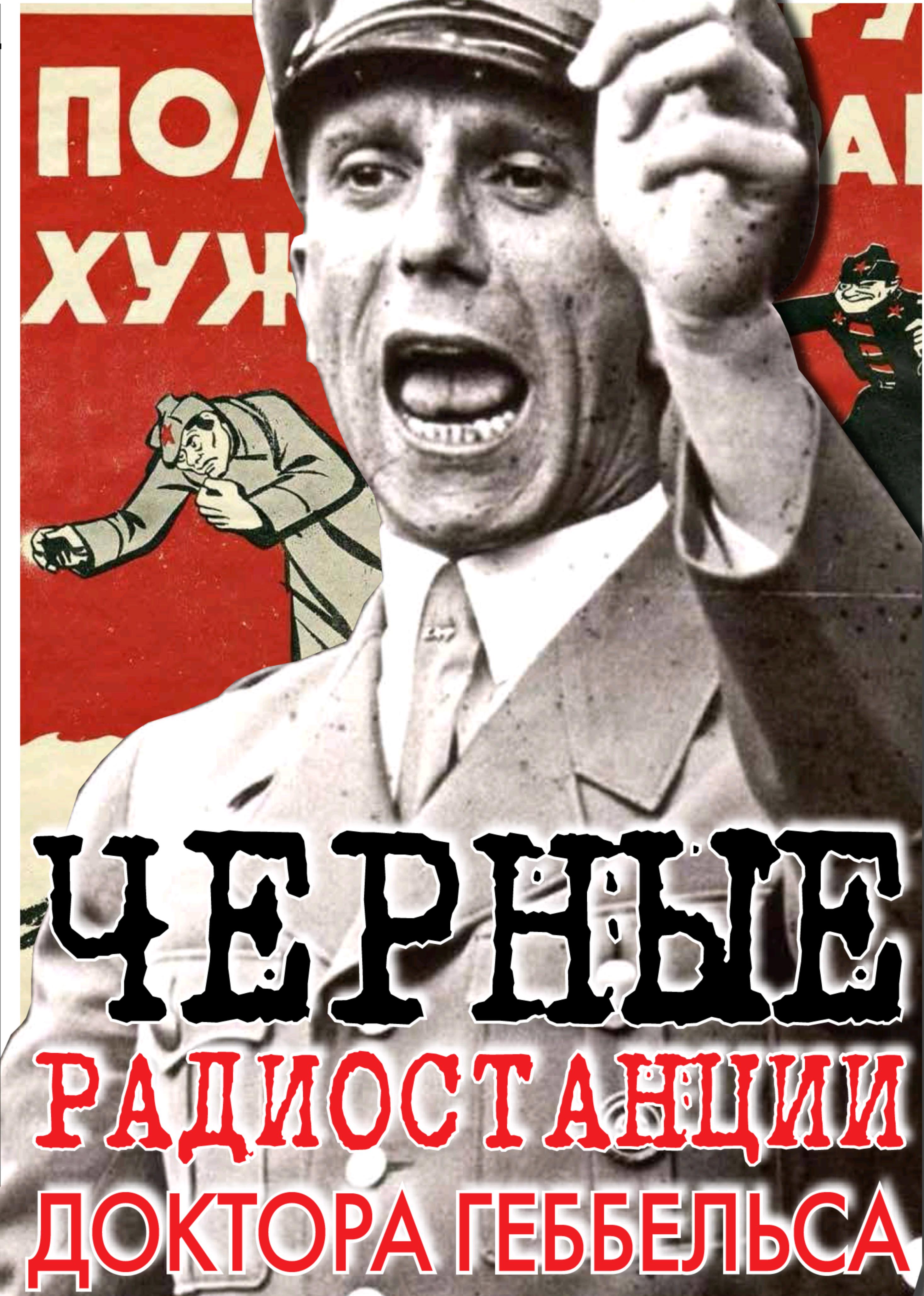
КРЫМСКИЕ
ВЛАСОВЦЫ

СЕКРЕТЫ РЕЖИМА

12

СПЕЦ
ШТРАФ ОТРЯД

**ЧЕРНЫЕ
РАДИОСТАНЦИИ
ДОКТОРА ГЕББЕЛЬСА**

ISSN 2070-884X

9 772070 884002

US AIR FORCE-МАЖОР

74 года назад Германия нанесла сокрушительный удар по американской авиабазе на территории Советского Союза

Владимир ВОРОНОВ

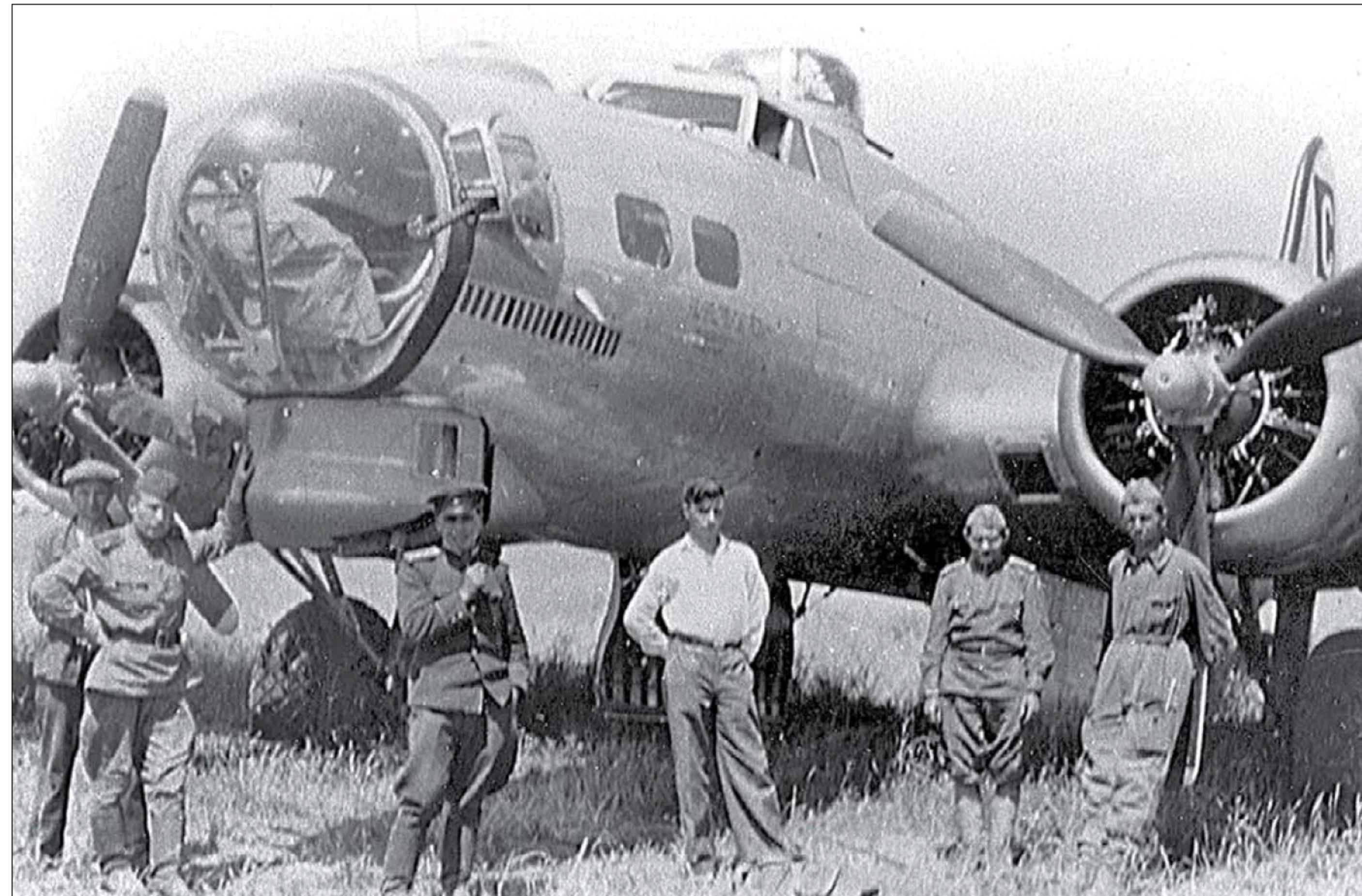
Специально для «Совершенно Секретно»

Идея создания американской авиабазы в Советском Союзе формально принадлежит командованию 8-й воздушной армии ВВС США. С баз в Англии и Италии (там базировалась 15-я американская воздушная армия) до целей в Восточной Германии, Польше, Венгрии и Румынии было слишком далеко, а с увеличением дальности полета резко падала бомбовая нагрузка – приходилось брать больше топлива. Расчеты показали, что задачу можно решить, применив сквозные бомбардировки, когда, взлетев со своих авиабаз в Англии и Италии и отбомбившись по рейху, самолеты могли бы продолжить полет, совершив посадку уже на советских аэродромах.

Официально это американское предложение зафиксировано в «Особо секретном протоколе Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании» от 1 ноября 1943 года: представители США тогда предложили, «чтобы, в целях осуществления сквозной бомбардировки промышленной Германии, были предоставлены базы на территории СССР, на которых самолеты США могли бы пополнять запасы горючего, производить срочный ремонт и пополнять боеприпасы». В ответ, как записано в протоколе, «В.М. Молотов сказал, что СССР в принципе согласен на предложения Соединенных Штатов...». Понятно, что согласиться на такое исполнительно-безынициативный Молотов мог лишь в одном случае: если это уже было санкционировано Сталиным.

Сама тема организации союзных авиабаз в СССР была не нова. Впервые ее обсуждали еще в мае 1942 года в Вашингтоне – на переговорах между Рузвельтом и Молотовым. В стенограмме той беседы зафиксировано, что Молотов предложил американским самолетам бомбить Румынию «не только с территории Сирии, но и с территории СССР». Разумеется, та инициатива тоже вытекала из инструкций «领袖 народов». Правда, чуть позже Сталин вдруг забрал свое предложение обратно, проигнорировав конкретные предложения союзников на сей счет. В том числе – сделанные Рузвельтом в разгар битвы за Сталинград: в октябре – декабре 1942 года он предложил немедленно отправить на Кавказ соединения тяжелых бомбардировщиков с американскими экипажами – для действия «под Вашим стратегическим командованием». Спустя несколько месяцев Сталин ответил, что такой необходимости нет.

К концу 1943 года ситуация изменилась: Сталин решил пойти навстречу союзникам. Иначе возникла некая дипломатическая коллизия: он все время настойчиво требует от союзников как можно скорее открыть Второй фронт и в то же время отказывает им в возможности облегчить задачу стратегических бомбардировок Германии. Окончательная договоренность о создании авиабаз была достигнута на встрече Сталина с послом США Авереллом Гарриманом 2 февраля 1944 года. «Гарриман говорит, что организация сквозной бомбардировки значительно сократит потери в самолетах.

Немцы, зная, что бомбардировщики должны возвращаться на свои базы примерно тем же путем, концентрируют в этом районе крупные силы истребителей, которые сбивают главным образом те самолеты, которые получили какие-либо повреждения в результате обстрела зенитной артиллерией. Возможность сквозного полета над Германией создаст новые условия и, конечно, будет содействовать уменьшению потерь...» На вопрос Сталина, сколько самолетов предполагают использовать американцы, Гарриман ответил: 360. «Сталин говорит, – записано в стенограмме беседы, – что он согласен с организацией таких сквозных бомбардировок, с тем, чтобы на первое время использовалось от 150 до 200 самолетов».

Конкретные детали обсуждали уже специалисты. Численность американского обслуживающего персонала была определена в 1270 человек, а в качестве места дислокации выбрали три аэродрома в районе Полтавы – в Миргороде, Пирятине и собственно в Полтаве. Полтава была на одинаковом расстоянии от баз в Англии и Италии, к тому же до войны там имелась взлетно-посадочная полоса (ВПП) с твердым покрытием – тогда это был мощный узел советской бомбардировочной авиа-

ции. Рядом была и хорошая сеть посадочных площадок, пригодная для размещения уже советских частей ПВО. В марте 1944 года работа началась: была создана специальная часть – 169-я авиабаза особого назначения (АБОН), которую возглавил опытный авиатор-штабист – генерал-майор авиации Александр Перминов. Затем в Полтаву прибыла первая группа американских офицеров, и работа по строительству баз закипела. Рабочая сила – советская: батальоны аэродромного обслуживания и... украинские женщины. Американскими были стройматериалы, оборудование, металлические плиты для укладки ВПП, аппаратура связи, горючесмазочные материалы, запчасти, боеприпасы, авиабомбы...

Собственно операция, получившая у американцев кодовое наименование Frantic («Неистовый»), началась 2 июня 1944 года, когда состоялся первый членочный рейд. В 06.55 утра группа самолетов 15-й американской воздушной армии, взлетев с итальянских баз, нанесла удар по объектам в глубоком тылу противника. 130 тяжелых бомбардировщиков B-17 в сопровождении 70 истребителей P-51 «Мустанг» взяли курс на венгерский железнодорожный узел в Дебрецене. Группу вел сам

командующий 15-й воздушной армией генерал-лейтенант Айра Эйкер (Га С. Eaker).

Один B-17 потерян над целью, шесть «Мустангов» из-за технических неполадок вернулись в Италию, остальные дошли до 169-й АБОН. Как писала тогда «Красная звезда», «на минуту порывистый ветер разорвал пелену тумана, и тогда все увидели над головой множество тяжелых американских бомбардировщиков. «Летающие крепости» шли четким строем, как на параде». 64 B-17 приземлились в Полтаве, еще 65 – в Миргороде, 64 «Мустанга» – в Пирятине. Далее все по плану: торжества, отдых и подготовка к боевому вылету. 6 июня 1944 года 112 B-17 и 47 «Мустангов», взлетев с советских аэродромов, нанесли удар по румынскому Галацу, вернувшись затем на советские базы. 11 июня 1944-го американская группировка вылетела уже обратно в Италию, по пути от души отбомбившись по аэродрому Люфтваффе в румынских Фокшанах. Так завершилась операция Frantic I.

22 ИЮНЯ: ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ

Операция Frantic II началась 21 июня 1944 года в 5.39 утра по лондонскому времени: соединение уже 5-й воздушной армии под командованием полковника Арчи Олда (Archie J. Old) – 163 B-17 и 70 истребителей P-51, взлетев со своих баз в Британии, нанесли удар по заводу синтетического горючего в Руланде. К вечеру они совершили посадку на аэродромах Полтавского узла. А в ночь на 22 июня 1944 года на аэродром в Полтаве совершили налет бомбардировщики Люфтваффе. Находившаяся в этот момент там группа американских B-17 «Летающая крепость» практически полностью выведена из строя: из 73 «Летающих крепостей» было уничтожено 47, большая часть остальных безнадежно повреждена. Лишь девять B-17 смогли подняться в воздух три дня спустя, остальные пришлось списать, так что общий счет утраченного доходит до 64

Справка

B-17 Flying Fortress («Летающая крепость») – четырехмоторный бомбардировщик, полная бомбовая нагрузка – 7900 кг. Оборонительное вооружение – 13 пулеметов M2 «Браунинг» калибра 12,7 мм в восьми установках. Экипаж – 10 человек, максимальная скорость 562–523 км/ч (в зависимости от модификации), практическая дальность полета – 7112 км, дальность полета с бомбовой нагрузкой 2,7 тонны – 3219 км, практический потолок полета – 10 850 м.
Истребитель P-51 A/C Mustang («Мустанг») – максимальная скорость 706 км/ч, практическая дальность – 2092 км (модификация D – 3700), практический потолок – 11 200 м (модификация D – 12 800 м), вооружение – четыре пулемета калибра 12,7 мм (модификация D – шесть 12,7-мм пулеметов), мог также нести бомбу в 227 кг (две 454-кг бомбы в модификации D) или четыре 12,7-мм пулемета и десять неуправляемых 127-мм реактивных снарядов.

«Летающих крепостей» — самые большие потери американской авиации на земле за всю войну. Это не считая еще «попутно» уничтоженных двух советских транспортников Си-47 и одного американского «Мустанга», а также поврежденных и выведенных из строя истребителей: пятнадцати Як-9, шести — Як-7 и одного «Харрикейна». Да еще 360 тонн сгоревшего бензина (по другим данным, около 600 тонн) и до 2000 уничтоженных авиабомб. При этом, как сухо фиксировал отчет СМЕРШ, «авиация противника потеря не имела». «При отражении налета, — гласил документ, — средства ПВО оказались малоэффективными. <...>

Зенитная артиллерия действовала слабо». В немецких экипажах не было даже раненых. Удар наносили бомбардировщики Не-111 — до 200 самолетов.

Отечественные очевидцы, мемуаристы и историки, пытаясь объяснить, кто и как засек американские самолеты на советских аэродромах, путаются в показаниях. Есть версия, что во время одного из рейдов «Летающих крепостей» германские истребители сбили B-17, на борту которого военный фотограф, лейтенант Маккей, вел фотоотчет о пребывании американских летчиков в Полтаве и Миргороде — в руки немцев попали свыше 500 фотографий, и так, мол, они установили точное местонахождение базы.

Также полагали, что «Летающие крепости» выселили пристроившийся им в хвост Ju-88, кто-то чуть ли не своими глазами видел, как над аэродромом кружила «рама» — самолет-разведчик Fw-189, третий видели барражирующий Не-111. Причем одни утверждали, что немец-разведчик летел низко-низко, другие — что на предельной высоте. Судя по опубликованной оперативной сводке штаба 310-й истребительной авиадивизии ПВО, с 18.10 до 19.24 противник произвел разведку аэродромов Полтава, Миргород и Пирятин — на высоте 6–7 тысяч метров были замечены два Ju-88. Но сбить их то ли даже не пытались, то ли не смогли. Есть даже версия с именами-фамилиями: 21 июня 1944 года приземление американцев прикрыла пара истребителей 802-го истребительного авиааполка ПВО, пилотируемыми младшим лейтенантом Фадеевым и лейтенантом Бояринцевым. Но в это время, мол, полк инспектировал представитель вышестоящего штаба ПВО и, проверяя документацию, обнаружил отсутствие каких-то важных записей в летной книжке Фадеева, приказав отстранить его от полетов. Командир полка майор Жукоцкий немедленно дал команду на приземление, не подняв в воздух другую дежурную пару, — тут-то, мол, и появился немецкий разведчик, которого оказалось некому сбить. Фадеев между тем, оказывается, был еще и наказан: его, отстранив от полетов, с 21 по 22 июня 1944 года назначили дежурным по аэродрому.

Эту историю много десятилетий спустя поведал журналистам сам Фадеев, но ни документами, ни другими свидетелями она не подтверждается. Даже если это и не задним числом придуманная сказка, по существу мало что меняется. Всего лишь пара истребителей для прикрытия посадки возвращающейся с боевого вылета армады «Летающих крепостей» и «Мустангов» — это просто смехотворно. Фадеев утверждал, что после 23 часов его вызвал по телефону оперативный дежурный 310-й авиадивизии, сообщив, что «в районе Конотопа замечена большая группа немецких бомбардировщиков, которая разделилась на две: одна взяла курс на Миргород, другая — на Ахтырку и Харьков. Возможно, что она повернет на Полтаву». Поступили указания: «Аэродром не демаскировать. Принять меры к сохранению личного состава». После чего командир 802-го полка майор Жукоцкий «тут же передал эту информацию командиру американской авиа группы и предложил ему немедленно перегнать B-17 в Харьков и Днепропетровск». Но, мол, «американец отказался это сделать, заявив, что его люди устали и что к бомбёжкам им не привыкать». В общем, сами янки и виноваты?! Похоже, Фадеев лишь ретранслирует ту версию, которую позже он, как оперативный дежурный по аэродрому, вместе с командиром полка и преподнесли вышестоящей инстанции — дабы

«Они бомбили и вели пулеметный огонь с бреющего полета, бомбили и стреляли, мы побежали в канавы... Русская база имела четыре большие зенитные пушки, однако они не сделали ни одного выстрела, не был поднят в воздух и ни один истребитель».

свалить всю вину за разгром на «беспечных» американцев.

Интересно, осознавал ли он, какую чушь несет? Думаю, «дежурный по аэродрому» прекрасно все понимал. Свыше 200 американских машин разбросаны по трем аэродромам, их экипажи, вернувшись из безумно выматывающего боевого рейда через всю Европу, уже отдыхают, приняв, несомненно, законные сто грамм (или сколько им там было положено по их нормам). Не говоря уже о том, что буквально только что прилетевшие самолеты к вылету не подготовлены и топливом не заправлены. И вообще, как можно глубокой ночью разом поднять все самолеты, перегнав их на аэродромы, к тому же непригодные для «Летающих крепостей»?

Другой участник событий в интервью уже нашему автору, писателю Б. Камову, утверждал, что генерал Перминов якобы «распорядился привести в полную готовность все средства ПВО и обратился к американскому командованию с настоятельным предложением: за оставшееся светлое время суток перебазировать самолеты с полтавского аэродрома в Пирятин и Миргород». Но опять-таки «американская командаование это разумное и единственное правильное в той обстановке предложение отклонило. Возможно, в штабе союзников привыкли к более спокойной обстановке на базах Англии и Италии и сочли, что генерал Перминов излишне перестраховывается». Вот только какой смысл перебазировать в Пирятин и Миргород, если эти аэродромы тоже были переполнены и тоже являлись объектами возможного удара? Опять же никакого «оставшегося светлого времени» не было и в помине, а поднимать ночью всю эту армаду — самоубийство.

Да и нет никаких иных свидетельств, что генерал Перминов отдавал хоть какие-то распоряжения на предмет усиления бдительности, готовности — и т.д., и т.п. Хотя бы потому, что он был слишком занят иным. Оружейник Юрий Дубровин вспоминал, что вечером для американских летчиков, «как всегда, устроили танцы»: сделали сцену, посадили оркестр, гулянку закончили «где-то за полчаса до полуночи». Полковник Арчи Олд свидетельствовал, что, когда в 23.35 пришло первое сообщение о возможном налете, в штабе командира 169-й авиабазы особого назначения гулянка была в самом разгаре: по случаю прилета очередной группы союзников советское командование устроило торжественный ужин. Получив сообщение адъютанта, «бравый генерал попросил присутствующих не волноваться, заверив, что Люфтваффе никогда не летают так далеко на восток, и ужин возобновился».

— Так что никаких попыток спешного ночного перегона не было и в помине — генерал, хотя, быть может, и подшофе, но мастерства не пропьешь: он прекрасно понимал, что такие кунштюки ночью не выкидывают. Однако он все же не сделал того, что мог и просто был обязан, — не поднял по тревоге базу и, главное, не поднял в воздухочные истребители. Лишь

после третьего по счету сообщения о немецких бомбардировщиках, свидетельствуют очевидцы, генерал Перминов сдался и предложил своим американским гостям пройти в бомбоубежище. Но приказа срочно поднять в воздух истребители ПВО он так и не отдал. Впрочем, быть может, и в данном случае генерал оказался реалистом, прекрасно зная, что наши истребители к ночным действиям все равно не подготовлены?

Вот как описал дальнейшее американский пилот Говард Кронер. По его словам, первые взрывы раздались около половины первого ночи. Налет осуществлялся порядка 80 самолетов, сбросивших сначала осветительные бомбы на парашютах — стало светло, как днем. «Они бомбили и вели пулеметный огонь с бреющего полета, бомбили и стреляли, мы побежали в канавы... После двух часов бомбардировки и обстрела немецкие самолеты наконец ушли. Русская база имела четыре большие зенитные пушки, однако они не сделали ни одного выстрела, не был поднят в воздух и ни один истребитель. ...мы видели, как горят и взрываются все наши B-17». Организовать тушение было практически невозможно: немцы засыпали аэродром бомбами замедленного действия и кассетными бомбами-минами SD-2B Schmetterling («Бабочка»). Эти бомбы-ловушки оснащены небольшим пропеллером, благодаря которому опускаются на землю медленно, подобно кленовому семени-крылатке. Соприкасаясь с землей, «бабочки» взводили сами себя, взрываясь при малейшем толчке — даже при звуке шагов. Утром некоторые самолеты еще дымились, большинство B-17 спорело, расплывавшись и развалившись пополам.

Известный советский кинооператор Семен Школьников, находившийся в тот день на аэродроме, тоже вспоминал про «праздничный обед» с участием советского и американского командования, представителей американского посольства. Про налёт же написал, что «при каждом разрыве земля под нами вздрогивала и как будто охала... Было страшно. Захотелось выскочить из щели и бежать — все равно куда, но какая-то неведомая мне сила вдавила меня в землю. ...на аэродроме все горело, лопалось, взрывалось... Это была самая жестокая бомбёжка из всех, какие мне пришлось пережить за время войны». Во время этого налёта американцы потеряли двух пилотов, еще 15 человек было ранено. Советские военные потеряли 30 человек убитыми и 80 ранеными. Практически все эти потери наши военные понесли не во время собственно налёта, а после него — во время очистки аэродрома от неразорвавшихся немецких бомб и бомб-ловушек.

Утром американские генералы Роберт Уэлш и Альфред Кесслер официально заявили генералу Перминову, что «немцы нас бьют безнаказанно» только потому, что «ваша артиллерия маломощная, истребители для ночных действий не подготовлены». И далее: «Мы спокойно можем работать в том случае, когда мы получим сюда наши тяжелые зенитные орудия и ночные

истребители, оборудованные специальными приборами для ночного боя».

ОПЕРАЦИЯ ZAUNKONIG

Немецкие источники утверждают, что американские самолеты на аэродроме под Полтавой обнаружил и сфотографировал разведывательный самолет He-177A из состава базировавшейся в Люблине 2(F)/Aufkl.Gr.100 — 2-й эскадрильи дальней разведки 100-й разведывательной авиагруппы. Командир экипажа — лейтенант Ханс (Ганс) Мюллер.

На расшифрованных снимках — все 73 приземлившимся в Полтаве B-17. Вычислили немцы и аэродром в Миргороде: по данным их авиаразведки, на этих двух аэродромах находилось до 140 «Летающих крепостей» и 56 «Мустангов». К слову, в списках награжденных Рыцарским крестом Железного креста (за 18 ноября 1944 года) значится обер-лейтенант Люфтваффе Ханс Мюллер, но из FAGr.5 (5-я дальняя разведгруппа), одна из эскадрилий которой была сформирована из эскадрильи 100-й разведывательной авиа группы.

Так или иначе, расположившийся в Бресте штаб IV.Fliegerkorps (4-й воздушный корпус — соединение бомбардировщиков дальнего действия, было создано в 1943 году для ночных действий без истребительного прикрытия, командир — генерал-лейтенант Рудольф Мейстер) времени терять не стал. Оперативно дешифровав снимки, в 15.00 (по берлинскому времени) 21 июня 1944 года отдал приказ о ночном налете на аэродромы в Полтаве и Миргороде. В связи с чем бомбардировочные эскадры KG27 Boelcke и KG53 Legion Condor тут же перебазированы на аэродромы в районе Белостока и Минска, KG55 Greif было предписано действовать со своих баз в Деблине, Улеце и Подлодовке. Целью для KG27 и KG53 определили аэродром Полтавы, KG55 — Миргорода, время бомбардировки — полночь по берлинскому времени. Однако погода внесла свои поправки: из-за низкой облачности KG27 пришлось остаться на земле. Операция с кодовым называнием Zaunk nig («Крапивник») началась в 20.30: первыми из Барановичей взлетели самолеты эскадры KG4 — они должны были наводить на цель ударные самолеты и обеспечить им подсветку объектов осветительными бомбами — на каждую ударную эскадру по 20 самолетов-целеуказателей.

Первую осветительную бомбу метко «подвесили» над полтавским аэродромом в 23.43 по берлинскому времени, затем был нанесен удар по прожекторам и зенитным батареям. Дальше было дело техники: заходившие на цель волнами самолеты эскадры KG53 обрушили на строй американских самолетов фугасные 50-килограммовые бомбы SC-50 и осколочные — SD-1 и SD-2.

С 00.30 до 01.45 немцы методично заходили на аэродром по нескольку раз, словно на полигоне, на выходе из атаки по наземным целям огонь вели стрелки. А вот KG55 из-за грозы выйти на аэродром в Миргороде не смогла, и подполковник Вилли Антруп повернул ее на Полтаву. Его самолеты вышли на цель в 2 часа ночи и «работали до 02.20». Всего в ту ночь на полтавский аэродром былоброшено около 100 тонн бомб. Ровно через сутки, в ночь на 23 июня 1944 года, эскадры Люфтваффе — порядка 120 He-111 — совершили новый налёт, уже на Миргород: и снова советские истребители и зенитчики не смогли дать им никакого отпора. Правда, на сей раз ущерб был невелик, потому что в канун налёта американские самолеты с этого аэродрома были переброшены в Чугуев. С полтавского же аэродрома уцелевшие B-17 перебросили в Кировоград. Операция Frantic продолжалась до 2 октября 1944 года, хотя формально американскую базу закрыли лишь в 1945-м — 22 июня...

Справка

Heinkel He-111 — двухмоторный немецкий бомбардировщик, экипаж — 5 человек, максимальная скорость 440 км/ч, дальность полета — до 2300 км, потолок — 6500 м, обычная бомбовая нагрузка — до 2000 кг, оборонительное вооружение — семь пулеметов калибра 7,92 мм, один 13-мм пулемет и одна 20-мм пушка.
He-177A — тяжелый двухмоторный бомбардировщик, экипаж — 6 человек, максимальная скорость 488 км/ч (565 км/ч — в зависимости от модификации), максимальная дальность полета 5600 км, потолок — 6100 (8000) м, оборонительное вооружение — 3 пулемета калибра 7,92 мм, 3 пулемета калибра 13 мм, две 20-мм пушки. Мог нести бомбовую нагрузку до 7300 кг. Были и разведывательные версии самолета.

Информация к разложению

Лев Мехлис и Хассо фон Ведель. Генералы от пропаганды

Д. ЖУКОВ, И. КОВТУН

Специально для «Совершенно секретно»

«Совершенно секретно» продолжает серию публикаций под рубрикой: «Полководцы: двойной портрет на фоне битвы». Сегодня нашим читателям предлагается статья о руководителях служб военной пропаганды Красной Армии и вермахта – Льве Мехлисе и Хассо фон Веделе. Во время войны они были непримиримыми врагами, возбуждали ненависть к противнику и призывали к его уничтожению. В то же время их подчиненные были призваны вести психологическую обработку войск и населения противника. Мехлис и Ведель вели борьбу не с помощью танков и самолетов, а с помощью слова, которое наполнялось нужным им содержанием. Они были в буквальном смысле генералами пропагандистского фронта, сыгравшего особую роль в том жестоком и кровопролитном противостоянии.

Эпоха тотальных войн, в которую человечество вступило к началу прошлого столетия, породило такое явление, как планомерно организованная деятельность по информационно-пропагандистскому воздействию на граждан и военнослужащих другого государства ради достижения своих политических и военных целей. Конечно, элементы использования пропаганды в военном деле можно найти и в самые отдаленные времена. Но именно в XX веке беспощадная борьба идеологии достигла такого градуса, что в штатах вооруженных сил различных государств появились специальные службы по «промывке мозгов». При этом численность и влияние этих профессиональных «солдат бумаги и эфира» со временем лишь расширялись.

Считается, что наибольших успехов в деле спецпропаганды в Первую мировую войну достигли англичане. Именно они наводнили немецкие окопы миллионами листовок, подрывающих боевой дух. Спустя несколько лет этот опыт разложения был принят на вооружение и политическими партиями. Причем лучше всего это удалось большевикам. Владимир Маяковский не напрасно призывал: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо»... В результатах Гражданской войны в России – немалая заслуга красной пропаганды.

К концу 1930-х годов службы, ответственные за ведение психологической войны, имелись в армиях всех крупных держав, в том числе СССР. В преддверии целой череды «освободительных походов» Рабоче-крестьянской Красной Армии, Лев Мехлис, возглавлявший тогда политическое управление РККА, стал активно возрождать и усиливать органы по идейному разложению войск и населения вражеских государств. При этом был использован опыт времен Гражданской войны. От своих подчиненных Мехлис требовал вести пропаганду

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ЛЕВ ЗАХАРОВИЧ МЕХЛИС

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ХАССО ФОН ВЕДЕЛЬ

так, «чтобы морально обессилить противника»...

СИОНИСТ, КОМИССАР, ПАЛАЧ

Лев Захарович Мехлис, человек, которому суждено будет стать одним из самых одиозных советских военных руководителей, родился 1 января 1889 года в Одессе. Он окончил шесть классов еврейского коммерческого училища, в 1904–1911 годах работал служащим в различных конторах и, несмотря на весьма скромное образование, даже пробовал себя на поприще репетиторства. Хотя многонациональная Одесса была своеобразным «плавильным котлом», в те годы Мехлису пришлось неоднократно сталкиваться с проявлениями антисемитизма. В итоге молодой человек вступил в отряд еврейской самообороны, пытавшейся защищать местных евреев от демарши черносотенцев.

В 1907 году Мехлиса арестовали и избили в Херсонском полицейском участке. Сразу после этого он вступил в еврейскую рабочую партию «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») и некоторое время работал в ее одесском отделе. Об этой странице своей биографии Лев Захарович в последующем старался особо не распространяться. И не случайно. В советское время «Поалей Цион» рассматривалась как одна из радикальных сионистских организаций. Она отстаива-

ла внеклассовое требование территориальной автономии для еврейского народа в Палестине. Разумеется, это вызывало у большевиков острое отторжение.

В 1911 году Мехлиса призвали на срочную службу во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. Хотя ему и присвоили чин бомбардира, долгое время он выполнял обязанности конюха. С началом Первой мировой войны он оказался на Юго-Западном фронте, в 11-й армии, но и тогда занят был больше по части содерхания конского состава.

Февральская революция застала Мехлиса под Киевом, в Белой Церкви. Он быстро осознал, какой шанс ему предоставляют новые обстоятельства, и использовал его сполна. В январе 1918 года Лев Захарович, уже изрядно поднаторевший в деле политической демагогии, вернулся в Одессу и занял «теплое место» в местном исполкоме. Впрочем, наслаждаясь новыми полномочиями довелось недолго. 14 марта самопровозглашенная Одесская советская республика была ликвидирована силами германских и австрийских войск. Мехлис успел удрать на военном транспорте в Крым, но вскоре пришлось бежать и оттуда. Переbrавшись в Ейск, он вступил в большевистскую партию.

В мае 1918 года Мехлис решил податься в Москву, однако по «партийной мобилизации» его вновь бросили на Украину. В январе 1919 года он участвовал в большевистском восстании в Харькове. В городе была провозглашена

советская власть, после чего Мехлис был оставлен здесь на хозяйственной работе. Тогда же он женился на враче Елизавете Абрамовне Млынтарчик. Чуть позже у них родился сын Леонид.

25 июня белые войска освободили город, а Мехлису по приказу губкома партии пришлось вновь встать в строй. Его откомандировали в распоряжение оперативной группы Харьковского направления, а затем, в качестве политического комиссара, направили в 14-ю армию. Он постоянно конфликтовал с командирами и с презрением относился к «военспецам» – профессиональным военным, по разным причинам пошедшим на службу к большевикам. Мехлис не гнушался рукоприкладства, беспрестанно создавал партийные ячейки и всюду насаждал преданных лично ему работников.

14 апреля 1920 года южнее Мелитополя с моря был высажен белый десант. Завязался бой, в котором Мехлис получил сквозное ранение левого плеча. После лечения в госпитале его отправили в распоряжение реввоенсовета Юго-Западного фронта, где Мехлис и познакомился со Сталиным, который приметил неистового комиссара и уже не выпускал того из вида.

Мехлис принимал участие в боях на Каховском плацдарме, в штурме Крыма, в зачистке южного побережья полуострова от махновцев и армии Врангеля. Разумеется, Мехлис оказался непосредственно причастен к страшному террору,

развязанному в Крыму Белой Куном и Розалией Землячкой с подачи высшего большевистского руководства. По их прямому указанию были жестоко уничтожены десятки тысяч «представителей враждебных классов». Только по официальным советским данным в 1920–1921 годах в Крыму были убиты до 52 тысяч человек, а некоторые источники говорят о том, что число жертв достигало 150 тысяч!

В 1921–1922 годах Лев Захарович занимал одну из руководящих должностей в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции, затем был фактически личным секретарем Сталина. В 1926–1930 годах Мехлис учился на курсах при Коммунистической академии и в Институте красной профессуры. Он завязал личное знакомство с партийно-государственной верхушкой, приобщился к закулисной борьбе сталинской группировки против ее оппонентов.

С 1930 года Лев Мехлис стал заведующим отделом печати ЦК и одновременно членом редколлегии, а затем главным редактором газеты «Правда». Партийный офицер в те времена пугал читателей массовым вредительством, кулацкой опасностью, сеял в обществе подозрительность и недоверие, назойливо воспичав пресловутую «пролетарскую бдительность». Задолго до того, как Мехлис возглавил главный политорган РККА, он оказался причастен к кровавой расправе над армейскими кадрами. Он с готовностью публиковал рожденные в недрах ЦК и НКВД измышления о «военно-фашистском заговоре в Красной Армии».

30 декабря 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Мехлиса на должности начальника Политического управления РККА и заместителя наркома обороны СССР. Отсутствие у Мехлиса прочных связей с военным руководством считалось положительным качеством.

Мехлис нанес сокрушительный удар по политуправлениям военных округов. Прибегая к возможностям Особого отдела НКВД СССР, он принимал непосредственное участие в решении вопросов об арестах военных работников, заподозренных в нелояльности к «генеральной линии партии».

ПОДГОТОВКА К «МИРОВОМУ ПОЖАРУ»

На протяжении всех 1930-х годов Stalin придерживался тезиса о неизбежности столкновения «страны рабочих и крестьян» с капиталистическим окружением, результатом чего должен был стать перенос боевых действий на территорию противника. Агентура Коминтерна и «пролетарские массы» должны были, в свою очередь, начать восстания в тылу армий своих государств. Конечным результатом подобного развития событий были мировая революция и, как пелись в гимне того же Коминтерна, — «Всемирный Советский Союз».

Разумеется, в силу ряда обстоятельств, впоследствии от этой утопической идеи пришлось отказаться, хотя некоторые «территориальные приращения» СССР все же получил...

Подобная военно-политическая стратегия, конечно, требовала создания в составе РККА специальной службы, ответственной за ведение пропаганды среди войск и населения соседних государств. Первые попытки ведения спецпропаганды вышли, мягко сказать, не вполне удачными...

Так, летом 1938 года в ходе событий у озера Хасан Мехлис потребовал от начальника разведотдела штаба Приморской группы войск Б. Сапожникова составить листовку-обращение к «японским солдатам, рабочим и крестьянам», дабы рассказать последним, что они «воюют за чужое им дело японских эксплуататоров, против рабочих и крестьян Советской России».

Текст первых листовок Мехлис составил лично. Он призывал японских солдат и офицеров «свергнуть императора — главного виновника социальной несправедливости и кровопролития на полях Монголии». Результат таких лозунгов оказался прямо противоположным жела-

емому: японцы, воспринимавшие своего монарха как «потомка богов», дрались еще более ожесточенно. В итоге высшему политическому армейскому руководству пришлось осознать, что призыв к «классовой сознательности» в данном случае не сработал.

15 марта 1939 года в пяти приграничных округах и двух отдельных армиях на Дальнем Востоке было сформировано 17 редакций газет на иностранных языках. Для сотрудников этих редакций в июне того же года был организован 15-дневный сбор с целью ознакомления военных спецпропагандистов с географией, экономикой, вооруженными силами и политическим положением в странах, часть из которых в обозримом будущем предстояло присоединить к «дружной семье советских народов». Перед руководящим составом сбора была поставлена задача обучить его участников методам разложения армии и тыла противника. В перевечень языков, на которых должны были выходить газеты, входили эстонский, латышский, финский, польский, румынский, японский, китайский, корейский, турецкий и некоторые другие языки. Весной 1940 года была сформирована редакция и типография газеты на английском языке.

Подобное же обучение редакторского состава велось и при штабах приграничных округов. Так, на секретных курсах в лагере под Одессой изучались формы и методы специальной устной и печатной пропаганды, работы с пленными, засылки агентуры. Рассматривались и такие проблемы, как поведение в тылу врага (в данном случае — румынской армии), в том числе легализация, азы диверсионной деятельности и так далее.

После начала Второй мировой войны, 17 сентября 1939 года СССР начал ввод войск в западные области территории Польши. Мехлис, прибывший в штаб Белорусского особого военного округа, непосредственно руководил пропагандистским обеспечением боевых действий. Он дал указание сформировать при политуправлениях Белорусского и Украинского фронтов отделы по работе среди населения этих регионов и военно-западных, а также развернуть шесть редакций газет на польском, украинском и белорусском языках. В ночь на 17 сентября только в войска Украинского фронта было выдано 180 тысяч экземпляров обращений к польским военнослужащим. Если лозунги, адресованные последним, фокусировались в основном на пропаганде сдачи в плен, а также на дискредитации военно-политического руководства Польши, то печатная пропаганда, рассчитанная на украинское и белорусское население Речи Посполитой, разъясняла, что целью «революционной, наступательной войны» является избавление «братьских славянских народов от капиталистического гнета».

В период Советско-финляндской войны 1939–1940 годов в основу советской спецпропаганды был положен все тот же классовый принцип. Мехлис, заранее прибыв в Ленинградский военный округ, принял активное участие как в разработке приказа войскам, так и в составлении текстов пропагандистских обращений. Утверждалось, что в самой Финляндии развязан «белогвардейский террор», что РККА идет «не как завоеватель, а как освободитель финского народа». Разумеется, все это с недоумением и возмущением воспринималось финской аудиторией. Когда же «освободительная миссия» РККА провалилась, перед пропагандистскими органами пришлось ставить новые задачи. 4 февраля 1940 года вышла директива Мехлиса, в которой подчеркивалось, что основной задачей войны является обеспечение безопасности северо-западных границ СССР и Ленинграда.

«Противником Германии являются не народы Советского Союза, а еврейско-большевистское правительство со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистическая партия».

С начала 1940 года в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) под руководством Мехлиса началась форсированная подготовка к увеличению штатной численности органов спецпропаганды. Во главе с полковником М. И. Бурцевым было создано отделение, ответственное за ведение пропаганды среди войск и населения противника, которое в конце лета 1940 года было реорганизовано в 7-й отдел (позже — 7-е управление).

Одновременно в политотделах армий вводились отделения, а в политотделах стрелковых дивизий — старшие инструкторы по работе среди войск противника. В новом аппарате формировалась также служба информации о зарубежных странах и армиях.

6 сентября 1940 года Политбюро утвердило указ о создании Наркомата государственного контроля СССР и поставило во главе ведомства Мехлиса. Таким образом, Stalin на время удалил неистового комиссара из армии и перевел его на более высокую должность, в состав правительства. Впрочем, как оказалось, такой шаг был временным. За день до нападения Третьего рейха на Советский Союз диктатор вновь назначил Мехлиса начальником ГУППКА, правда, сохранив за ним и прежнюю должность.

ШЕФ ВОЙСК ПРОПАГАНДЫ

Фигура начальника германских войск пропаганды, генерала Хассо Эдуарда Ахана фон Веделя, по сравнению с Мехлисом, выглядит довольно блекло. Заурядная внешность, ничем не примечательная биография профессионального военного... Между тем подчиненные Веделя сумели доставить лично Мехлису немало неприятных хлопот.

Выходец из дворянского рода, Ведель появился на свет 20 ноября 1898 года в померанском городке Штаргарде. Окончив кадетское училище, 10 августа 1914 года он поступил на службу в 9-й гренадерский пехотный полк графа Гнейзенау. 20 ноября 1915 года ему было присвоено звание лейтенанта. В период Первой мировой войны Ведель некоторое время исполнял обязанности офицера-ординарца в 211-й пехотной бригаде. Молодой офицер также принимал участие в боевых действиях, за что был награжден Железным крестом I и II классов.

Поражение в войне, крах Второго рейха и серьезное сокращение вооруженных сил болезненно ударили по немецкому офицерскому корпусу. Однако фон Ведель повезло. Он остался в рейхсвере и 1 октября 1919 года получил назначение в 3-й пехотный полк. Надо сказать, карьерный рост будущего генерала долгое время проходил отнюдь не стремительно...

8 ноября 1920 года Ведель сочетался браком с Эрной Рамм, от которого у них родилась дочь. 24 июля 1931 года Эрна умерла. Ведель год носил траур, а затем нашел новую спутницу жизни, Маргариту Кеппен, родившую будущему начальнику армейской пропаганды трех сыновей.

В октябре 1920 года Ведель перевелся в 4-й пехотный полк. В апреле 1925 года ему присвоили очередное воинское звание — обер-лейтенант. С октября 1924 года до сентября 1926 года Ведель был прикомандирован к штабу 2-й дивизии, на базе которого, в обход Версальского договора, были организованы секретные курсы по подготовке офицеров Генерального штаба. Два года спустя Ведель вновь побывал на этих курсах, но уже в качестве офицера, приехавшего повысить свои знания и квалификацию.

1 февраля 1932 года ему присвоили звание капитана рейхсвера, в июле того

же года перевели на учебу в академию Генерального штаба. В январе 1936 года прилежному офицеру присвоили звание майора и, как было заведено, направили на войсковую стажировку в 6-й пулеметный батальон, в котором выпускник академии в течение года командовал ротой.

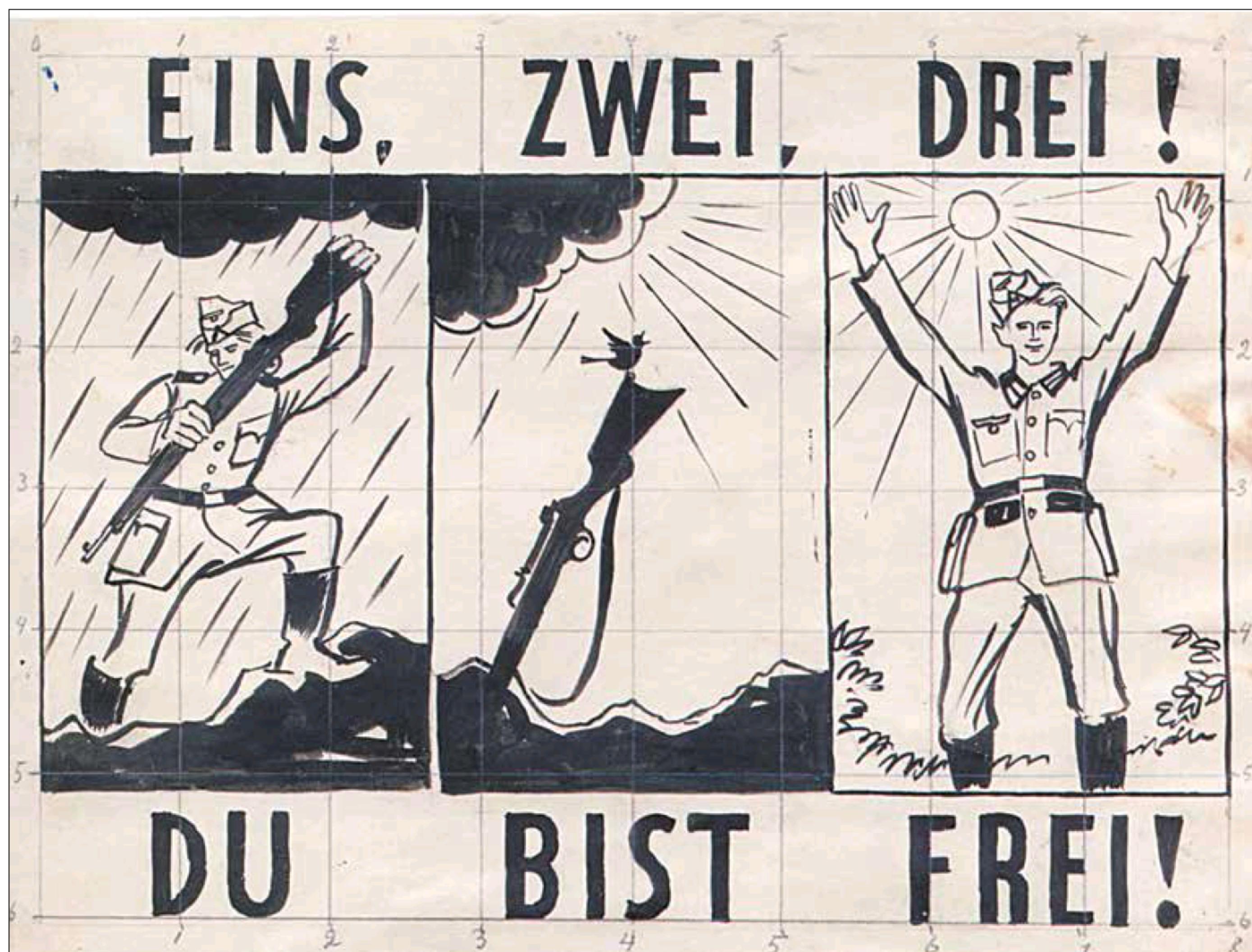
После стажировки Веделя перевели в Имперское военное министерство. 1938 год стал для офицера переломным: его назначили руководителем пресс-службы при Верховном главнокомандовании вермахта (ОКВ), а чуть позже — начальником вновь созданного отдела пропаганды вермахта. В феврале 1939 года Веделью присвоили звание подполковника, а 1 апреля его отдел был развернут в управление. Уже во время войны последнее было преобразовано в Управление группу, Ведель получил звание полковника (1 ноября 1940 года), а в последующем — генерал-майора (1 сентября 1943 года). Ему, как «шефу войск пропаганды», подчинились пропагандистские подразделения вермахта и войск СС.

Казалось бы, назначение Хассо фон Веделя на такую ответственную должность было делом совершенно случайным — в отличие от большинства своих подчиненных он никогда не был сотрудником Министерства пропаганды или соответствующих партийных структур. Впрочем, к тому времени Ведель все же проявил себя как автор многочисленных методик и изданий, популяризирующих военную службу. Из-под его пера вышли такие работы, как «Новая немецкая армия», «Военная подготовка и народное воспитание», «Великогерманская армия», «20 лет немецкого вермахта» и др.

С именем Веделя было связано и наследие в армейской пропаганде антисемитизма. Ведель, как и Мехлис, стремился к тому, чтобы пропаганда пронизывала собой всю жизнь немецких военнослужащих. Для этого выпускалось огромное количество самых разнообразных материалов, формировавших у германских солдат «правильное мировоззрение».

Готовясь к войне против Советского Союза, управление Веделя сконструировало концепцию идеологической обработки красноармейцев и населения оккупированных территорий. Основную работу в этом направлении вела группа IV, отвечавшая за ведение «активной пропаганды на противника». Директива ОКВ от 6 июня 1941 года отражает суть «наработок» Веделя: «Противником Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское правительство со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистической партией». При этом в директиве рекомендовалось избегать таких выражений, как «Россия», «русские», «русские вооруженные силы». Вместо них следовало говорить: «Советский Союз», «народы Советского Союза», «Красная Армия». Военнослужащим РККА немецкие листовки расписывали преимущества плена, а населению оккупированных областей — с помощью многочисленных газет и журналов — внушалась мысль о том, что «большевизм больше не вернеться», поэтому необходимо сохранять лояльность «новому порядку». Кроме того, в пропагандистских материалах разжигалась антисемитская истерия...

Для внедрения всех этих идей в сознание бойцов и командиров РККА, а также населения оккупированных областей к началу войны было сформировано 19 рот пропаганды (12 в сухопутных войсках, четыре — в военно-воздушных силах и три — во флоте), а также четыре взвода военных корреспондентов («Север», «Центр», «А» и «Б»). В общей сложности во время войны было создано 33 роты пропаганды и специальная «команда мастеров изобразительного искусства», в состав которой входили 100 военных

ОБРАЗЕЦ СОВЕТСКОЙ КОНТРПРОПАГАНДЫ, АДРЕСОВАННОЙ СОЛДАТАМ ВЕРМАХТА

живописцев и 150 художников-оформителей. Кроме того, Веделю подчинялось эсэсовское пропагандистское формирование полкового уровня — штандарт СС «Курт Эггерс» во главе с штандартенфюрером Гюнтером д'Алкеном. Наибольшей численности — около 15 тысяч человек — войска пропаганды вермахта достигли в середине 1942 года.

СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕЙ

Работа по политической пропаганде среди немецких войск была начата Мехлисом с первых дней войны. Вопрос о ведении пропаганды на войска и население противника был рассмотрен 25 июня 1941 года на Политбюро ЦК ВКП(б). Было образовано Советское бюро военно-политической пропаганды, которому вменялось в обязанность определять содержание, формы и методы специальной пропаганды. Рабочим органом бюро стал 7-й отдел Главного политического управления.

Всего за время войны было издано и распространено свыше 20 тысяч наименований пропагандистских материалов на 20 иностранных языках, по большей части, естественно, на немецком. Общий тираж составил 2 миллиарда 706 миллионов экземпляров листовок, газет, журналов, плакатов и брошюр. Наряду с этим широко осуществлялось и радиовещание, а также обращения к противнику с помощью специальных громкоговорящих установок.

В начале войны характерные представления о «пролетарской солидарности» рассматривались Мехлисом как вполне актуальные. В листовках солдат вермахта призывали повернуть оружие против «общего врага» — Гитлера: «Не стреляй в своих братьев — русских рабочих и крестьян!» Убедившись на практике, насколько далеки были военнослужащие германской армии от подобных «идеалов», советские органы спецпропаганды изменили тональность, сделав упор на пропаганду преимуществ пленя, причем сдаваться призывали даже успешно наступающие немецкие части. Явным просчетом в первый период войны был и курс на карикатурно-издевательское изображение вождей Германии, пользуясь которым тогда почти безоговорочной поддержкой немецкого народа.

Армейская пропаганда, руководимая Мехлисом, допускала и другие грубые ошибки. Провальными и вредными были признаны, например, порнографические листовки с «поцелуйными карточками» и удостоверениями «члена союза по охвату женских половых органов», предлагавшего дамам, чьи мужья находятся на фронте, «согревать спутническую постель путем выполнения мужских обязанностей». Для дам после 70 предусматривалась «двойная такса». Все это должно было создать впечатление, что нацисты превращают Германию в публичный дом, породить у немецких солдат на Восточном фронте возмущение и беспокойство. На обложку одного из номеров журнала для немецких солдат «Фронтовая иллюстрация» советские пропагандисты поместили изображение лежащей в постели с «восточным рабочим» немецкой фрау. Сопроводительный текст гласил: «Пока солдат на фронте... 11 миллионов иностранцев живут сегодня в Германии, куда завлек и согнал их Гитлер, в то время как на Восточном фронте бессмысленно гибнут миллионы немецких мужчин». Многие специалисты 7-го отдела ГУППКА понимали недопустимость подобных фальшивок, но ничего не могли сделать, так как подобная продукция издавалась волевым решением Мехлиса.

Вообще деятельность Льва Захаровича на посту главного военного пропагандиста, а также в качестве заместителя наркома обороны и члена военных советов ряда армий и фронтов принесла чрезвычайно плачевые плоды. Вмешательство Мехлиса в дела военных специалистов не раз влекло за собой катастрофические последствия. Например, в мемуарах участника войны полковника в отставке К. Будрина «В боях за Дон» содержится

описание одного эпизода. Будрин доложил командиру бригады о том, что вверенный ему батальон занял населенный пункт. Вмешавшись в разговор, Мехлис обвинил Будрина во лжи и отдал приказ нанести по этому пункту залп реактивной артиллерии. Батальон понес большие потери, немцы выбили из села остатки этого подразделения.

Тем не менее, несмотря на свою деструктивную деятельность, Мехлис до конца войны появлялся на фронте и 29 июля 1944 года даже получил воинское звание генерал-полковника. Впрочем, из-за явных просчетов в деле «промывки мозгов» еще 12 июня 1942 года он был снят с должности начальника Главного политического управления РККА.

В отличие от Мехлиса, Ведель не вмешивался в дела германских генералов, ответственных за проведение войсковых операций. Его сфера была чисто пропагандистской, и здесь он был полновластным хозяином, успешно конкурировавшим в данной области с министерствами Геббельса и Розенберга. Хотя борьба между ведомствами развернулась нешуточная. К примеру, печально известный имперский комиссар Украины Эрих Кох в письме к министру Восточных территорий негодуше отмечал: «Призыва к населению оккупированного Востока могут публиковаться лишь с согласия фюрера, а не по воле каких-то армейских клопов».

Тем не менее Ведель умело руководил своим аппаратом, используя в работе весь богатый арсенал пропагандистских приемов и методов. Характерные идеи и лозунги, присущие партийным изданиям, находили свое место на страницах газет, бюллетеней, листовок и плакатов, которые подчиненные Веделя штамповали огромными тиражами. Одновременно

с этим в войска поступала пропагандистская продукция из других, аналогичных структур Рейха, чему глава пропаганды ОКВ не препятствовал, а использовал с выгодой для своего управления.

Мощнейшее влияние оказывали на население захваченных областей Советского Союза немецкие роты пропаганды. При активном и непосредственном участии командиров и личного состава пропагандистских подразделений создавались и выходили большими тиражами оккупационные газеты и брошюры. К этой работе привлекались «добровольные помощники», коллaborационистские журналисты, оказавшие своим немецким коллегам большую услугу в деле разжигания ненависти к большевикам и евреям. Только на русском языке немецкие пропагандисты распространяли около 500 наименований периодических изданий. Тиражи некоторых образцов пропагандистской продукции достигали 1,5 млн экземпляров!

Кроме всего прочего, под контролем военнослужащих и сотрудников рот пропаганды разрабатывались курсы лекций для аудитории, состоявшей из учителей и других представителей интеллигенции, городских и сельских должностных лиц — старост, бургомистров, начальников полиции разного уровня. Огромное внимание было удалено и пропаганде вооруженного коллаборационизма. Скажем, вплоть до конца 1944 года «власовское движение» существовало фактически только на бумаге — в листовках и призывах немецких пропагандистов. Сам Власов и его «штаб» долгое время находились в непосредственном подчинении управления Веделя.

Несмотря на то что немецкой военной пропаганде удалось поначалу добиться серьезных результатов, дальнейший ее эффект стал снижаться. Не в последнюю очередь это было связано с жестокой политикой германских властей в захваченных областях, а также с очевидными успехами Красной Армии.

На последнем этапе войны управление Веделя численно значительно сократилось. Когда боевые действия развернулись на территории Германии, все полномочия по пропагандистской деятельности взял на себя Геббельс, до самой капитуляции внушавший своей аудитории надежду на «чудо-оружие» и решительный поворот в войне. После войны Хассо фон Ведель был арестован, но в заключении находился недолго — уже в середине мая 1946 года его выпустили на свободу. Разумеется, с опытом, которым он обладал, решили ближе познакомиться спецслужбы союзников, изучавшие формы и методы нацистской пропаганды. Бывший шеф войск пропаганды охотно помог им в этом. Ведель скончался 3 января 1961 года в Гердене, закончив незадолго до смерти книгу воспоминаний «Войска пропаганды немецкого вермахта», опубликованную в 1962 году.

Относительно благополучно прожил остаток своих дней и Лев Мехлис. В феврале 1946 года его избрали депутатом Верховного Совета СССР второго созыва. Одновременно с этим он работал в должности министра государственного контроля Советского Союза. В 1949 году у Мехлиса случился инсульт, и к активной служебной и политической деятельности он больше не возвращался. Но в 1952 году на XIX съезде КПСС его заочно избрали членом Центрального комитета. Скончался «военный Мефистофель» Сталина 13 февраля 1953 года. Урна с его прахом была захоронена в Кремлевской стене.

“На последнем этапе войны управление Веделя численно значительно сократилось. Когда боевые действия развернулись на территории Германии, все полномочия по пропагандистской деятельности взял на себя Геббельс, до самой капитуляции внушавший своей аудитории надежду на «чудо-оружие» и решительный поворот в войне.”

«В СЛУЧАЕ ПОЯВЛЕНИЯ ВОЙСК ПРОТИВНИКА»

Почему в октябре 1941 года Сталин не эвакуировался из Москвы

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно Секретно»

30 сентября 1941 года 2-я танковая группа генерал-полковника Гейнца Гудериана перешла в наступление, и уже на другой день начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Танковая группа Гудериана прорвала на своем центральном участке оборону противника на всю глубину и продвинулась на 60 км». 2 октября 1941 года в дневнике Гальдера новая запись:

«2, 4 и 9-я армии переходят в наступление... Группа армий «Центр».

Cегодня в 05:30 войска, используя ясную осеннюю погоду, начали крупную операцию «Тайфун». В тот же день командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок сделал такую запись: «Наступление проходит с такой легкостью, что невольно задаешься вопросом, уж не сбежал ли противник». 6 октября 1941 года войска группы Гудериана расчленили Брянский фронт, окружив три советские армии – 3, 13 и 50-ю. Так появился «Брянский котел». 7 октября 1941 года войска группы армий «Центр» нанесли в районе Вязьмы страшное поражение уже войскам советских Западного и Резервного фронтов. Генерал-фельдмаршал фон Бок тогда лаконично записал: «Сегодня утром 10-я танковая дивизия вышла к Вязьме с восточного направления. Подошла и 2-я танковая дивизия, замкнув кольцо окружения вокруг главных сил русских». В «Вяземском котле» оказались 16, 19 и 20-я армии Западного фронта, 24 и 32-я армии Резервного фронта. Всего же в окружении под Брянском и Вязьмой оказались восемь из 15 советских армий, державших фронт на Западном стратегическом направлении, еще пять армий выбыли из строя, утратив свою боеспособность из-за огромных потерь, практически разгромлены. Да что армии, фактически перестали существовать как оперативно-стратегические объединения сразу три советских фронта – Брянский, Западный и Резервный. В советской обороне возникла страшная зияющая брешь в 500 километров шириной, которую нечем было закрыть: войск перед Москвой не осталось и дорога на нее, казалось, была открыта. Это была катастрофа, и Сталин тогда пришел к выводу: Москву не удержать.

Впрочем, на всякий случай соломку подстилали загодя: еще 8 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) – читай, Сталин – принял решение, что при неблагоприятном развитии ситуации Москву придется оставить. В тот же день за подписью Сталина появилось и секретное распоряжение: составить списки предприятий, которые нужно заминировать и взорвать в случае, если в город войдут вражеские войска. 15 октября 1941 года, когда масштабы катастрофы стали очевидны, Сталин своей рукой красным карандашом внес правки в наспех заготовленный проект постановления ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» и подписал его. Документ предназначался предельно узкому кругу лиц: судя по рукописным пометкам на

нем, помимо самого Сталина, в полном объеме его получили лишь Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов и Лазарь Каганович, а начальник Генерального штаба РККА Борис Шапошников, первый секретарь Московского обкома и горкома партии Александр Щербаков и нарком Военно-морского флота Николай Кузнецов могли ознакомиться лишь с тем, как приписано от руки, «что их касается». Документ гласил:

«Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный комитет обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. (НКПС – т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД – т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедленно эвакуироваться органам Наркомата Обороны и Наркомвоенмора (вписано рукой Сталина. – Прим. ред.) в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба – в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берии и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин. 15.10.41»

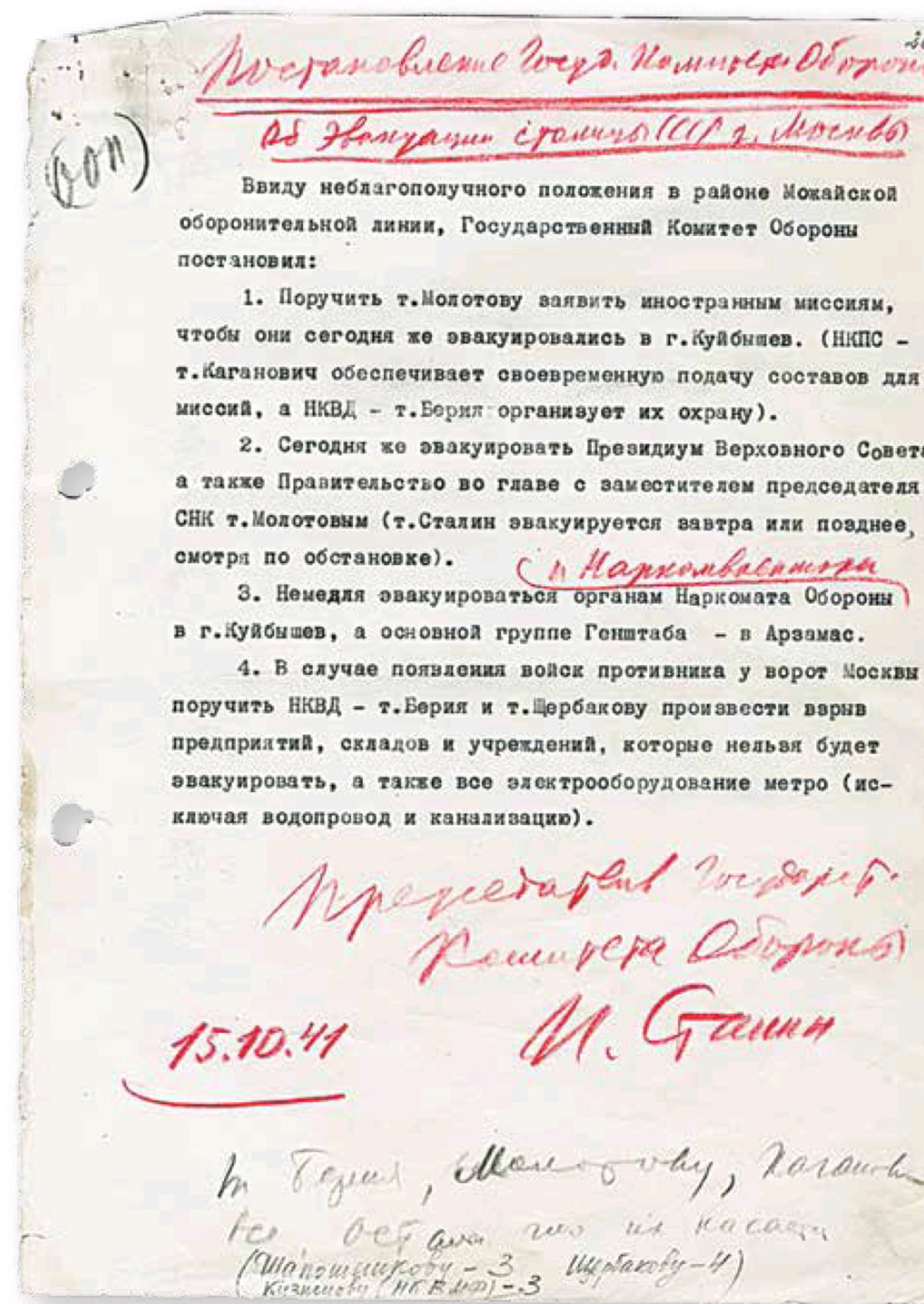
Дипломатические миссии выехали из Москвы тем же вечером, тогда же потянулись в Куйбышев и правительственные эшелоны с чиновниками аппарата ЦК ВКП(б), наркоматов, аппарата Верховного Совета, Исполкома Коминтерна; убыли в Куйбышев члены Политбюро Ворошилов, Калинин, Андреев...

Вечером 15 октября 1941 года Совинформбюро передало сообщение, что на Западном направлении положение ухудшилось, а на одном из участков обороны прорвана и с утра 16 октября 1941 года в столице воцарилась ужасающая паника. Из города устремился поток партийных чиновников: бежали аппаратчики горкома и обкома партии, райкомов, руководители всевозможных предприятий. Панику подогрело закрытие метро, где демонтировали оборудование, готовя его к уничтожению. Полный хаос воцарился даже в святая святых – зданиях ЦК ВКП(б) на Старой площади: аппаратчики бежали, бросив все, даже не уничтожив огромный массив секретной документации, оставив всю картотеку. В панике

были и обычные москвичи: никто не удосужился сообщить жителям, что вообще происходит, а уж о планомерной эвакуации населения не шло и речи. К тому времени уже отправили в Куйбышев и весь стalinский гардероб, три его автомобиля, библиотеку, сам же Stalin действительно намеревался 16 октября 1941 года покинуть Москву на специальном и уже подданном поезде. Но, как известно, он так и не уехал.

Потеря Москвы была бы фатальна для всей системы управления: все было замкнуто на Москву, на Кремль и лично на товарища Сталина. Изъятие, даже на время, московского звена неизбежно вело бы к коллапсу управления всей страны. Значение же Московского железнодорожного узла, вообще московского транспортного узла и вовсе трудно переоценить: его захват пресекал всю систему перевозок. Далеко не случайно командующий группой армий «Центр» фон Бок записал в те дни в своем дневнике, что «большая часть разветвленной железнодорожной сети вокруг Москвы все еще находится в их руках. И это очень плохо!». Правда, немцы и не собирались брать Москву штурмом: «Фюрер запретил нам входить в Москву», – записал в своем дневнике все тот же фон Бок. И уточнил: «Фюрер приказал запечатать город в пределах Октябрьской железной дороги». Но как захват Москвы, так и «всего лишь» ее окружение и отсечение от остальной страны разрывали все коммуникации в европейской части СССР, что неизбежно вело бы к полному распаду фронта как такового. Не говоря уже про моральный аспект вести, что Stalin бежал из Кремля... Паника 16 октября 1941 года наглядно показала, что в Москве не будет героических сражений за каждый дом и за каждую улицу: толпы мародеров громят магазины и склады, деморализованное население думает только о своем спасении. Да и некому было сражаться – войск в городе практически нет.

Stalin трудно обвинять в наличии личной храбости и отваги, скорее уж наоборот. Но, как материальный и опытный политик, каковым он, безусловно, был, Stalin именно в тот день ясно понял: за Москвой для него места нет – лично для него, как вождя. И хотя на подступах к запасной столице, Куйбышеву, уже был создан мощный долговременный оборонительный район, Stalinу садиться в отывающий туда поезд было никак нельзя. Стоит ему покинуть город, явившийся сосредоточием всех нитей власти, как он почти незамедлительно теряет все: и власть – над партией, армией, госбезопасностью, вообще над страной, да и саму жизнь – тоже. Сдача Москвы ему лично не пережить – либо сами же товарищи по Политбюро вмогут и прирежут, либо, в чем он тоже мог не сомневаться, ему с превеликим удовольствием открутят голову военные. Возможно, окончательной и ясной кристаллизации этой мысли, этого понимания как раз и поспособствовала та страшная и позорная паника, что воцарилась в Москве 16 октября 1941 года. Именно тогда он мог наглядно убедиться в том, сколь эфемерна его власть и сколь ненадежна главная ее опора – партийный аппарат: стоило аппаратчикам удариться в бегство, и все посыпалось в тартарары. Поэтому Stalin так и не эвакуировался «ни завтра или позднее, смотря по обстановке», приняв, быть может, самое главное решение своей жизни.

Замужем за дьяволом

Рассекретили документы о жене одного из самых кровавых нацистских преступников

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно Секретно»

Летом 2015 года Госархив Израиля решил рассекретить ряд документов начала 1960-х годов, из которых, в частности, стало известно, что за месяц до казни нацистскому преступнику Адольфу Эйхману было предоставлено свидание с женой.

История похищения Адольфа Эйхмана израильским МОССАДом, длившегося полтора года судебного процесса и приведения вынесенного ему смертного приговора описана в десятках книг, и к этому уже мало что можно добавить. Но обнародование факта его последнего свидания с женой, невольно вызывает вопросы о том, кем была супруга человека (или все же нелюда?), отправившего на смерть миллионы евреев, десятки тысяч поляков и цыган, 100 детей из чешской деревни Лидице? Какой вообще была его семья? Кто входил в ближайшее окружение этого чудовища, и знали ли эти люди о совершаемых им преступлениях? Но прежде чем попробовать найти ответы на эти вопросы, давайте все же обратимся к рассекреченным материалам Государственного архива Израиля.

НЕ ПО СООБРАЖЕНИЯМ ГУМАННОСТИ

Как следует из этих документов, 18 марта 1962 года на очередном заседании израильского правительства министр юстиции Дов Йосеф сообщил, что супруга приговоренного к смертной казни нацистского преступника Адольфа Эйхмана Вероника (Вера) Эйхман через своего адвоката просит разрешить ей свидание с мужем.

После этого в зале заседаний повисает тяжелое молчание, а затем несколько министров начинают против этого решительно возражать. «Безусловно, такое свидание следовало бы предоставить из соображений гуманности, но Эйхман – не человек, а чудовище, и к нему такие соображения не относятся», – поясняет свою позицию один из министров.

Премьер-министр Давид Бен-Гурион на этом заседании отсутствует, но Дов Йосеф сообщает, что уже переговорил с ним по данному вопросу.

– Премьер считает, что Израилю будет тяжело выдержать критику международного общественного мнения, если мы не разрешим такое свидание. Поэтому следует его разрешить, но в обстановке глубочайшей секретности и как можно быстрее – в течение, скажем, 24 часов, – говорит Дов Йосеф.

Но те, кто разбирается в израильской политике, знают, что в течение 24 часов здесь ничего решить невозможно. После относительно непродолжительных дебатов министры решают, что свидание следует разрешить, но эту их позицию еще следует донести до членов парла-

ЕДИНСТВЕННОЕ СОХРАНИВШЕЕСЯ ФОТО ЭЙХМАНА С ЖЕНОЙ ВЕРОНИКОЙ

ментской комиссии по иностранным делам и обороне – в противном случае они могут поднять шум, и о всякой секретности придется забыть.

Позицию правительства в комиссии представляла министр иностранных дел Голда Меир.

– Я прекрасно понимаю, что большинство из вас не в восторге от этой новости и вам тяжело с этим примириться, – заявила Меир. – Но, как известно, сейчас в мире есть немало «праведников», которые молчали в дни холокоста, зато сейчас выступают поборниками гуманизма, ратуют против смертной казни и так далее.

Нам не следует давать им повод открывать рты в деле, высший гуманизм которого для меня лично не подлежит сомнению (Голда Меир имела в виду смертный приговор Эйхману. – Прим. авт.).

– Я только надеюсь, что те, кто должен, сделают все, что нужно, чтобы это

свидание не помогло Эйхману отправиться на тот свет слишком гуманным способом, – замечает на это депутат от партии МАПАМ Яков Хазан.

– Понятно, что будут приняты все меры предосторожности, чтобы эта женщина не смогла ничего передать ему во время свидания, – отвечает Меир.

– Нельзя также допустить, чтобы кто-либо из журналистов встретился с г-жой Эйхман, – говорит председатель комиссии Меир Аргов. – Она прибывает, встречается с ним и уходит. Ни одна живая душа не должна узнать, что она была в Израиле. Об этом надо договориться с ней и с ее адвокатом.

– Никто также не заинтересован в том, чтобы она отправилась на тот свет именно в Израиле, – с иронией добавляет Голда Меир.

В этот момент в игру вступает депутат от оппозиции Хaim Ландау. Оппозиция на то и оппозиция, чтобы не соглашаться с позицией правительства.

– Любому убийце дается право на последнее свидание, и это, безусловно, правильно, – говорит Ландау. – Но Эйхман не просто убийца...

– Если вы хотите устроить здесь соревнование, кто сильнее ненавидит Эйхмана, то я готова принять в нем участие! – парирует Меир. – Мы здесь не спорим о том, обычный он убийца или мегаубийца. Кто он такой, все и без того знают. И, поверьте, у меня нет никаких сантиментов по отношению к его жене.

Вместе с тем мы должны воздержаться от любых шагов, которые, если они получат огласку, могут нанести вред стране. Я не хочу, чтобы нам пришлось объяснять миру, почему на просьбу «несчастной женщины», пожелавшей в последний раз увидеть мужа, мы ответили «нет»!

По окончании этого заседания были начаты переговоры с Вероникой Эйхман о том, что ей разрешат встречу с мужем

« В ночь с 31 мая на 1 июня 1962 года Адольф Эйхман был повешен по приговору суда. Самое же страшное в личности Адольфа Эйхмана заключается в том, что внешне он был самым обычным добродорядочным человеком. Любил детей, животных, музыку. Был отличным семьянином. Но все это не мешало ему ежедневно с чисто немецкой педантичностью отправлять на смерть тысячи людей. »

только при условии соблюдения полной секретности факта ее прибытия в Израиль, отказа от контактов с журналистами, согласия пройти все необходимые осмотры и так далее.

Само свидание состоялось 30 апреля 1962 года, и о нем сохранился лишь короткий протокол. Вот он:

«00:18. Дежурный офицер Мэнс Шимон установил ширму между комнатой наблюдения и камерой заключенного.

00:20. Начальник смены Мерхави Авраам вместе с двумя женщинами-офицерами, вместе с женой заключенного вошли в помещение блока для свидания с заключенным.

00:43. Начальник смены вместе с женщинами-офицерами и женой заключенного покинули территорию блока.

01:00. Заключенный получил двойную пачку бумаги и написал благодарственное письмо начальнику Управления тюрем.

Итак, то последнее свидание Адольфа Эйхмана с женой длилось ровно 23 минуты. Дали ли им побывать друг с другом наедине? Вероятно, да — иначе зачем было устанавливать ширму? О чём они говорили между собой? Наверняка их прослушивали, обязаны были прослушивать, но в документе об этом ничего нет. Или это было интимное свидание супругов со всеми вытекающими отсюда последствиями — для этого и нужна была ширма?! Снова нет ответа. То ли какие-то бумаги все еще засекречены, то ли договором с Верой Эйхман было предусмотрено, что подобного протокола не будет.

В ночь с 31 мая на 1 июня 1962 года Адольф Эйхман был повешен по приговору суда. Это была вторая и последняя на сегодняшний день смертная казнь за всю историю Израиля.

Самое же страшное в личности Адольфа Эйхмана заключается в том, что внешне он был самым обычным добродорядочным человеком. Любил детей, животных, музыку. Был отличным семьянином. Но все это не мешало ему ежедневно с чисто немецкой педантичностью отправлять на смерть тысячи людей. Так кем же она была — жена чудовища по имени Адольф Эйхман?

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Вероника Либрова родилась и выросла в семье богатого землевладельца в чешской деревне Млада, расположенной неподалеку от границы с Австрией. Впрочем, еще ее отец переделал свою чешскую фамилию на немецкий лад — Либль, так что она привыкла звать себя Верой Либл.

Сестры Марианна и Вера Либл были не только дочками самого богатого человека в деревне, но и считались самыми красивыми девушками в округе. Не удивительно, что приехавший в Младу молодой офицер, выпускник военного картографического института Карел Лукаш начал ухаживать за Марианной и даже снял домик в деревне, чтобы быть поближе к любимой.

А вскоре там появился и молодой коммивояжер и представитель топливной компании «Вакуум ойл» Адольф Эйхман, «положивший глаз» на Веронику Либл.

Будущие шурины быстро сдружились, и, наезжая в Младу, Эйхман часто оставался ночевать в домике Лукаша. В 1935 году ухаживания Эйхмана принесли плоды, и Вероника согласилась выйти за него замуж. Ее свадьба состоялась через несколько месяцев после свадьбы сестры с Карелом Лукашем, и на ней без преувеличения несколько дней гуляла вся деревня — пиршественные столы были расставлены прямо на главной улице Млады. Новобрачный был в форме СС, в ряды которого вступил еще в 1932 году по личной рекомендации Кальтенбруннера.

Дальше были увольнение из компании «Вакуум ойл», возвращение в Германию и стремительная карьера — от простого штурмовика до начальника «еврейского отдела» в управлении СД в Вене. Все это

время Эйхман переписывался с Лукашем, который, как предполагают некоторые историки, передавал ему секретные сведения о чешской армии и топографические карты Чехословакии. Но так это или нет — покрыто мраком.

Зато доподлинно известно, что 15 марта 1939 года Эйхман прибывает в Прагу, чтобы заняться депортацией в концлагерь чешских евреев. Он занимает огромную роскошную виллу, расположенную в старой части Праги и принадлежавшую до отправки с семьей в гетто, а затем и в лагерь смерти еврейскому фабриканту Фишеру.

Вскоре на той же вилле поселяются Карел Лукаш с Марианной, и сестры начинают почти одновременно рожать детей: у Марианны появилось две девочки, а Вероника подарила мужу на этой вилле двух сыновей — Клауса и Дитера.

Пока Лукаш продолжает служить в Институте военной картографии, Эйхман стремительно делает карьеру на «окончательном решении еврейского вопроса», и в августе 1944 года докладывает Гиммлеру, что благодаря его усилиям уничтожено 4 млн евреев.

При этом он продолжает регулярно появляться на вилле в Праге и, разумеется, общается со своим другом и шурином. Сразу после окончания войны Карел Лукаш будет допрошен и, само собой, заявит, что понятия не имел о том, чем на самом деле занимался его шурин. На вопрос о том, что ему известно о судьбе Эйхмана, Лукаш ответит, что тот был убит во время Пражского восстания 1945 года. Благодаря этому в официальных документах Эйхман будет значиться мертвым, и это на какое-то время сбьет с толку тех, кто его разыскивал.

Лукаш будет вызван на допрос еще раз — по подозрению в сотрудничестве с нацистами, что проявилось хотя бы в его отказе участвовать вместе с другими чешскими офицерами в антинацистском восстании. Шурин Эйхмана заявит в свое оправдание, что был слишком занят работой в картографическом институте, но безусловно является чешским патриотом и антинацистом, и даже прятал у себя дома сбежавшего из лагеря советского военнопленного. В итоге все подозрения с Лукаша были сняты, и он благополучно продолжил в течение еще более двадцати лет работать землемером. А заодно и жить с женой на вилле, хозяев которой сожгли в Освенциме.

БЕГ

Большинство из вышеприведенных фактов нам известны от замечательного чешского журналиста и охотника за нацистскими преступниками Станды Мотыля, автора книги «За завесой времени».

Занимаясь расследованием семейной истории Эйхмана и его послевоенной судьбы, Мотыль обратил внимание на поразительный факт: долгое время никто не видел в Эйхмане главного распорядителя созданной нацистами гигантской машины смерти. Чешская политическая полиция не увидела необходимости в розыске Эйхмана и передаче его в руки Нюрнбергского суда, так как единственное, в чем считала его виновным — это в организации депортации в гетто евреев чешского города Остравы. Хотя к тому времени чехам уже не составляло труда выяснить, кем был Эйхман на самом деле.

Между тем показания Лукаша, данные им во время уже вышеупомянутого второго допроса, значительно расходились с его первым заявлением о том, что Эйхман был убит во время восстания, и позволяли предположить, что ему удалось выжить. Лукаш показал, что последний раз видел шурина 29 апреля 1945 года, спустя шесть недель после того, как Вероника покинула пражскую виллу. Эйхман быстро собрал несколько чемоданов с наиболее ценными вещами и вызвал такси. На вопрос Лукаша, куда он направляется, Эйхман якобы ответил, что едет в «Орлиное гнездо» «воевать вместе с фюрером».

Дальнейшее, повторим, известно, но все же давайте хотя бы вкратце вспомним, кто именно помогал Эйхману уходить от справедливого возмездия. Из Праги, попрощавшись с Лукашом, он направился в город Ческе-Будеёвицы, а оттуда в Австрию, в город Бад-Аусса, где находились Вероника с детьми. Здесь он попадает в американский лагерь для военнопленных; представляется вымышленным именем; бежит из него; скрывается в небольшой австрийской деревушке под именем Отто Хенингера, а затем через Тирольские горы добирается до Рима. Здесь при помощи Ватикана и Красного Креста Эйхман получает документы на имя Рикардо Клемента и в июне 1950 года прибывает в Аргентину, где его встречает офицер СС Карлос Полландер, уже позаботившийся о том, чтобы снять для товарища по партии квартиру и подготовить ему аргентинские документы. В 1952 году Эйхман умудряется выбраться в Европу, встретиться с Вероникой, снова жениться на ней под новым именем и вывезти ее и троих сыновей в Аргентину. Здесь в 1955 году у них рождается четвертый сын Рикардо, ставший в итоге одним из самых выдающихся археологов Южной Америки.

В 1956 году Адольф Эйхман, не слишком хорошо устроившийся в Аргентине, направляет канцлеру Германии Конраду Аденауэру письмо, в котором представляется своим настоящим именем и просит разрешения вернуться в Германию. При этом Эйхман понимает, что ему придется предстать перед судом, но

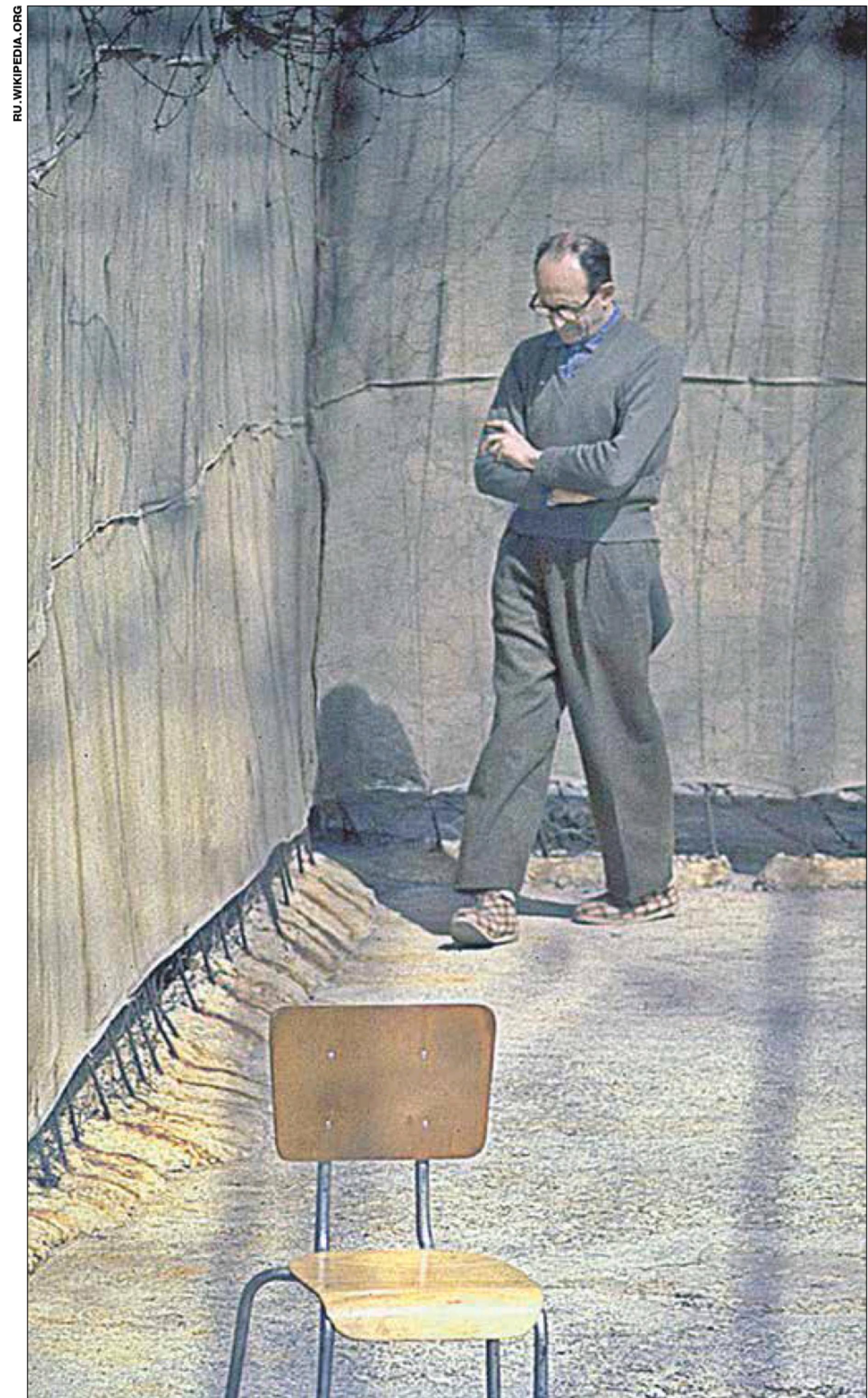
пытается выторговывать у Аденауэра как можно более короткий срок заключения в обмен на «правдивые показания».

Неизвестно, ответил ли канцлер на это письмо, но зато совершенно очевидно, что ни Германия, ни США не захотели выслушивать «правдивые показания» Эйхмана — возможно, из опасения, что Эйхман может сообщить о нацистском прошлом Ганса Глобке, бывшего тогда правой рукой Аденауэра. Лидеры обеих стран приходят к выводу, что будет куда лучше, если Эйхман продолжит тихо-мирно обретаться в Аргентине.

За этой попыткой двух держав покрыть нацистского преступника и дать уйти ему от суда пристально следил судья и прокурор, инициатор Освенцимских процессов Фриц Бауэр. Наконец, в 1958 году, окончательно убедившись, что ни немцы, ни американцы не собираются арестовывать Эйхмана, Бауэр решает сообщить о его местонахождении израильскому Моссаду. 11 мая 1960 года Эйхман был похищен на улице агентами этой спецслужбы, а 20 мая вывезен в Израиль.

Вероника Эйхман скончалась в 1997 году. Карел Лукаш — в 1982 году. Его дочь проживает сегодня в Австрии и отрицает всякую связь своей семьи с семьей Эйхман. А в городе Линце, где многие годы жил и работал отец Адольфа Эйхмана, до сих пор существует компания «Эйхман и сыновья».

Так о чём же все-таки говорили Вероника и Адольф Эйхман в те 23 минуты последнего свидания?

ЭЙХМАН НА ПРОГУЛКЕ В ТЮРЬМЕ

Крымские власовцы

На полуострове германскому командованию были нужны не идейные предатели, а обыкновенные наемники

Олег РОМАНЬКО

Специально для «Совершенно секретно»

Одной из самых противоречивых страниц Второй мировой войны является история так называемого власовского движения и созданных в результате его военно-политического развития вооруженных сил, известных собирательно как Русская освободительная армия (РОА). Какие цели преследовало это движение? Кто именно шел служить в эту армию? Наконец, что побуждало людей добровольно или недобровольно выступать на стороне врага своей Родины?

В советское время на эти и многие другие вопросы следовал однозначно негативный ответ. Сейчас некоторые историки склонны считать, что не все было так просто с этим движением и с этой армией. И для понимания этой проблемы уже проделана колоссальная работа. Тем не менее некоторые ее аспекты до сих пор остаются без серьезного внимания. Одним из таких, неисследованных и запутанных, остается вопрос истории власовского движения и частей РОА на территории оккупированного немцами Крыма. «Совершенно секретно» восполняет этот пробел.

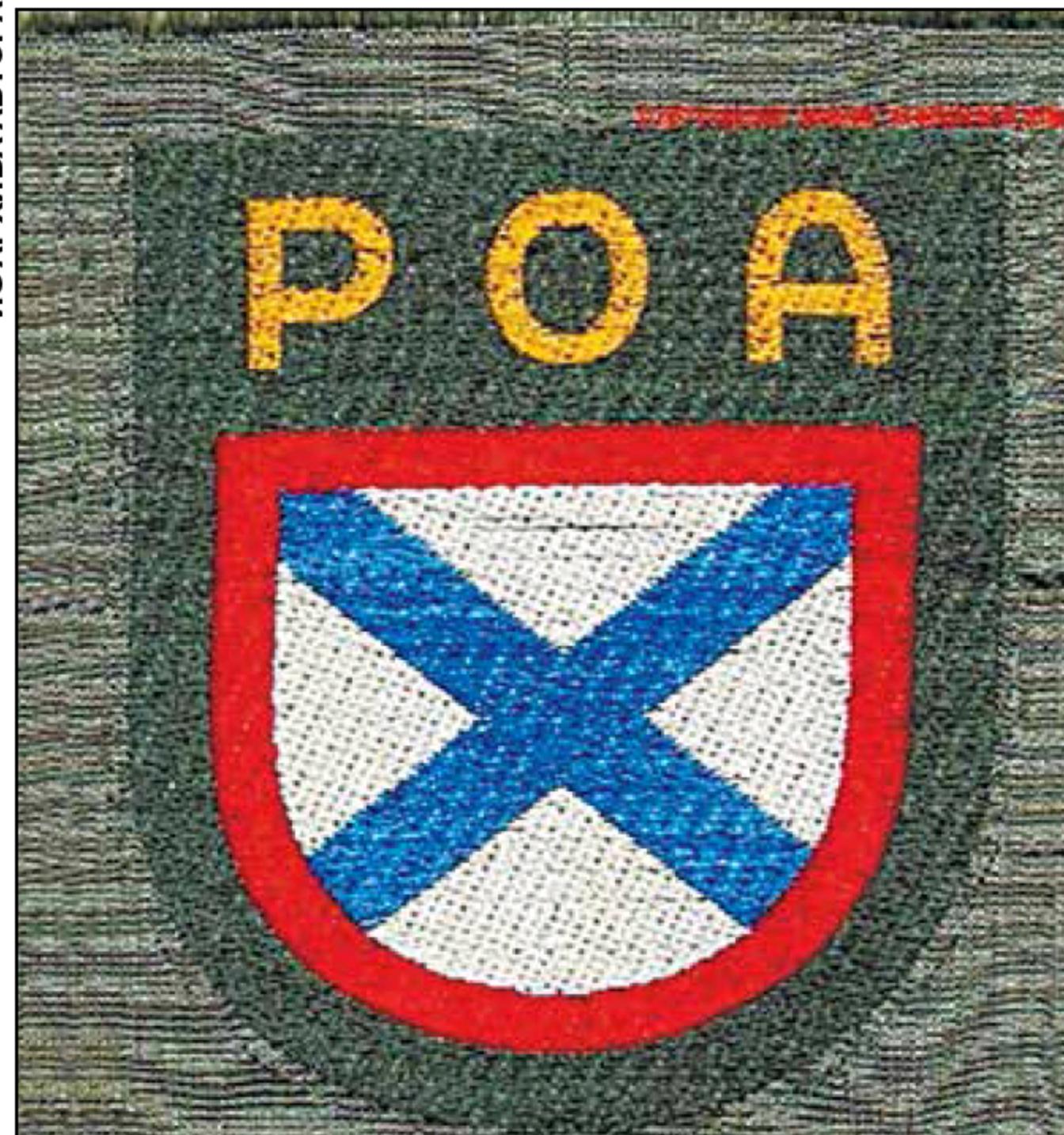
На первом этапе власовского движения немцы посчитали, что предатель Власов будет выгоден им не как «военно-политический союзник», а как инструмент психологической войны против СССР. И одним из первых шагов в этом направлении стала разработка листовки «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза», которая была напечатана в Берлине 27 декабря 1942 года. В этой листовке, получившей пропагандистское название «Смоленского манифеста» (подразумевалось, что именно там, в России, она и была написана), провозглашалось создание нового правительства — Русского комитета и его вооруженных сил — РОА.

ГУБЕРНАТОР ЯЛТЫ В.И. МАЛЬЦЕВ

Первая власовская листовка — «Смоленский манифест» — получила сравнительную известность только в средней полосе России и практически осталась неизвестной на юге, тем более в Крыму. О бывшем советском генерале на территории полуострова заговорили в связи со следующим по времени пропагандистским шагом немцев — появлением открытого письма Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?» (18 марта 1943 г.). Именно этому документу, в котором он рассказывал «о своей жизни и своем опыте в СССР», объяснял причины, «побудившие его начать войну против сталинского режима», Власов был обязан своей популярностью в некоторых слоях населения.

В Крыму первым на это письмо публично отреагировал бургомистр Ялты В. И. Мальцев, человек трагической и вместе с тем интересной судьбы. Кадровый военный и полковник ВВС, он в 1937 году был назначен начальником Главного управления Гражданского воздушного флота Средней Азии и Закавказья. Менее чем за год это управление вышло на первое место во всесоюзном масштабе. По этой причине, а также за выдающиеся заслуги в области гражданского воздухоплавания Мальцев был представлен к высокой награде — ордену Ленина. Однако получить орден он не

ИЗ АРХИВА АВТОРА

НАРУКАВНЫЙ ЩИТОК РОА. 1942 ГОД.

успел. 11 марта 1938 года полковник Мальцев был арестован органами НКВД по обвинению в антисоветской деятельности. После 18-месячного заключения в ашхабадской тюрьме его освободили, реабилитировали, а затем назначили начальником санатория «Аэрофлот» в Ялте. На этой должности Мальцев находился с 1 декабря 1939 года и вплоть до вступления в город немецких войск.

«По занятии германскими войсками города, — вспоминал позднее Мальцев, — я в полной военной форме явился к германскому командованию и объяснил причины, побудившие меня оставаться». После небольшого допроса он предложил немцам свои услуги по организации отряда для борьбы с Красной Армией. Однако немецкий комендант поступил несколько неожиданно. Выслушав Мальцева, он назначил его бургомистром Ялты. Интересно, что, находясь на этом посту, бывший советский летчик пытался вернуть город к нормальной жизни, чем заслужил уважение в определенных кругах местного населения. И конечно, серьезное доверие немцев.

В декабре 1942 года Мальцев был вызван в штаб Восточных добровольческих частей, который находился в Симферополе. Здесь ему было поручено приступить к созданию коллаборационистских формирований из местного населения. За очень короткий период Мальцев организовал шесть небольших отрядов, которые предназначались для борьбы с советскими партизанами.

В марте 1943 года Мальцев прочитал «Открытое письмо» генерала Власова, которое произвело на него огромное впечатление. Ему показалось, что немцы наконец поменяли свою «восточную политику» и дают антисоветским силам возможность создать свой политический центр и собственные вооруженные силы для борьбы с коммунистами. Как и многие другие в то время, Мальцев ошибался и не знал, что немцы использовали имя бывшего советского генерала исключительно в пропагандистских целях. Тем не менее он начал действовать.

Весной 1943 года Мальцев окончательно решил присоединиться к власовскому движению и подал рапорт о своем переводе в распоряжение Русского комитета. Позднее, 4 июня, в органе Симферопольского городского управления, газете «Голос Крыма», был опубликован его ответ на письмо Власова. Ответ был написан также в форме

открытого письма и озаглавлен «Борьба с большевизмом — наш долг». В этом письме Мальцев рассказывал, как он прошел путь от «коммунизма к борьбе с ним», и призывал всех коммунистов последовать его примеру, отдав все силы на благо русского народа, то есть поддержать Власова и РОА.

18 июня 1943 года, через две недели после опубликования этого письма, «Голос Крыма» сообщила об открытии при содействии Мальцева первого вербовочного пункта РОА на полуострове. Этот пункт был открыт в Евпатории. А уже 30 июня в Симферополе состоялось освящение помещения центрального вербовочного пункта РОА в Крыму, по случаю чего в 18 часов был отслужен торжественный молебен. Таким образом, народный энтузиазм действительно имел место. И немцам оставалось только им воспользоваться. Правда, выяснилось, что власовское движение имеет не только пропагандистский или военный аспекты.

РОА И КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ВОПРОС

В целом создание РОА на территории Крыма свидетельствовало о том, что пресловутый «русский вопрос» занял качественно иной уровень в немецкой оккупационной политике. И, как следствие, это привело к значительным изменениям в сфере межнациональных отношений на полуострове. Особенно это касается русско-татарских взаимоотношений, которые с 1941 по 1943 год претерпели значительную эволюцию.

Американский историк Александр Даллин писал после войны, что в свете переселенческих планов нацистов их национальная политика по отношению к населению Крыма была долгое время не совсем ясна.

Естественно, менталитет русского населения за 20 лет советской власти очень изменился. А интернационалистское воспитание привело к тому, что обычный русский человек вряд ли воспринимал крымского татарина как своего этнического или религиозного врага. На это в целом и рассчитывали немцы, когда планировали сделать татар опорой своего оккупационного режима. Началось все с заурядных подачек и экономических привилегий, которые, однако, распределялись по национальному признаку. Далее было создание националь-

РЯДОВОЙ РОА

ных комитетов и помочь в религиозно-культурном возрождении.

Несмотря на то что эти события так и не стали системой, не вызывать тревоги у русских они тоже не могли. И, самое интересное, большинство из них начали склоняться к мысли, что в таком положении виноваты не столько немцы. Один из свидетелей событий оккупации так отразил эти настроения: «Русский человек, — писал он, — в тот момент должен был быть в несколько раз осторожнее...

Благосклонное поначалу отношение немцев к власовскому движению показало крымско-татарским националистам, что с дискриминацией русских (в определенной степени) покончено. А немецкая национальная политика в Крыму выходит на новые позиции. Одной из таких позиций должно было стать сотрудничество между коллаборационистами из различных национальных групп, а не их противопоставление, как это имело место раньше. В связи с этим будет небезынтересно упомянуть тот факт, что в крымских частях РОА служили не только русские, но и крымские татары. Это подтверждает целый ряд публикаций в «Голосе Крыма», свидетельствующих о «совместной борьбе татар и русских против большевизма»: «Плечом к плечу с РОА», «Борьба татар против большевизма», «Голос крови зовет меня» и т.п. Основной смысл этих статей можно выразить следующей фразой, встретившейся в одной из них: «Победа или смерть! Плечом к плечу с Русской армией мы пойдем на борьбу за наше освобождение».

В крымско-татарской прессе можно было встретить такие же высказывания. Так, 28 апреля 1943 года орган Симферопольского мусульманского комитета газета Azat Kirim опубликовала передовую статью со следующим пассажем: «Русские интеллигенты, военные офицеры и крестьяне своим объединением вокруг генерала Власова показали, что они вышли на правильную дорогу. Отныне на фронтах татары, украинцы и донско-кубанские казаки неодиноки: в их ряды включаются и русские добровольцы. Отныне наступление, начатое из областей, освобожденных благодаря германским войскам, будет всеобщим наступлением наций, которые являются братьями по оружию».

В дальнейшем развитие военного сотрудничества коллаборационистов должно было привести к сотрудничеству политиче-

скому. В январе 1944 года так и произошло. Речь идет о проекте командующего войсками вермахта в Крыму генерал-полковника Э. Йенеке, направленном на создание на полуострове местного правительства, куда должны были войти представители трех наибольших национальных групп полуострова — русских, украинцев и крымских татар. В целом этот замысел так и остался на бумаге. Его претворению в жизнь помешало начавшееся наступление Красной Армии.

КРЫМСКИЕ ВЛАСОВЦЫ: КТО ОНИ БЫЛИ, СКОЛЬКО ИХ БЫЛО И ЧЕМ ОНИ ЗАНИМАЛИСЬ

В результате вербовочной кампании к осени 1943 года удалось создать несколько подразделений РОА. Кто же из крымчан шел добровольцем в эту армию? Для советской стороны были характерны такие высказывания: «Немцы и их лакеи — предатели советского народа — развернули в Крыму бешенную кампанию по вербовке добровольцев в так называемую «русскую освободительную армию». Они проводят митинги, собрания, пишут статьи в своих бульварных газетах, призывают и угрожают... Но добровольцев идти на службу к гитлеровцам не оказывается. Затея немцев явно провалилась. В Симферополе фашисты кое-как наскребли 6–7 «добровольцев», решивших под угрозой расстрела пойти на черное дело. Не имеет успеха вербовка и в других городах, и в сельской местности Крыма. Поэтому гитлеровцы прибегают к излюбленному методу насилиственной мобилизации населения». Что же касается тех, кто все-таки пошел служить в РОА, то о них коммунисты говорили только так, и не иначе: «По Симферополю еще набрали в РОА около 15 человек, и то из числа уголовников и других враждебных элементов, подвергшихся репрессиям со стороны советской власти».

В конце июля 1943 года в колаборационистских формированиях, лагерях военнопленных и немецких дивизиях, расположенных в Крыму и имеющих русский персонал, появились выпускники школы пропагандистов в Дабендорфе — офицеры-инспектора РОА, призванные «следить за физическим и моральным состоянием своих соотечественников». Это было еще одной из обязанностей офицеров РОА.

Помимо чисто пропагандистских целей, части крымских власовцев использовались и по своему прямому назначению — для участия в боевых действиях против Красной Армии и партизан, что было также своего рода пропагандой. Недаром, находясь еще в лагере военнопленных, генерал Власов говорил немецким офицерам: «Чтобы добиться победы над Советским Союзом, нужно ввести в бой против Красной Армии военнопленных. Ничто не подействует на красноармейцев так сильно, как выступление русских соединений на стороне немецких войск...»

Формирование частей крымской РОА началось практически сразу после открытия вербовочных пунктов. Однако об их общей численности судить очень трудно, так как немецкая сторона эту численность явно завышала, заявляя о «тысячах добровольцев», которые с утра до вечера толпились у дверей, например, симферопольского пункта. Один из очевидцев позднее вспоминал: «Желающих записаться было такое огромное число, что прикомандированные к пункту не справлялись с работой. Сюда приходили и 17-летние юноши, и 50-летние мужчины, требуя записать их и дать им оружие в руки, для борьбы с большевизмом. Здесь было много сцен истерики при отказе по возрасту».

В целом же с лета 1943-го до весны 1944 года численность крымских формирований РОА колебалась от 2 до 4 тысяч человек, которые повзводно и поротно были распределены по частям крымской группировки вермахта. Ближе к зиме 1944 года почти треть из них перешла на сторону партизан. Это привело к тому, что немцы отвели с передовой некоторые подразделения РОА, разоружили их, а личный состав отправили в концлагеря. Или вообще за пределы Крыма — в Италию или Францию.

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ VS ВЛАСОВЦЫ

Определенный рост «власовских настроений» в Крыму очень сильно обеспокоил советское военно-политическое руководство и его «длинную руку» — крымских партизан. И причина этого была в следующем. Нельзя не отметить, что в военном отношении власовское движение и РОА не представляли на территории Крыма сколько-нибудь значительной силы. Приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что к весне 1944 года в их рядах находилось менее одного процента от численности русского населения полуострова. Однако следует признать, что, несмотря на слабость в военном отношении, сила этих формирований заключалась в отношении политическом (даже несмотря на то, что с именем генерала Власова все крымское власовское движение было связано весьма относительно). Указанные факты говорят о том, что советское военно-политическое руководство хорошо осознавало это, хотя и делало вид, что «проблемы РОА» не существует. Такая позиция была характерна не только для крымской ситуации. Однако политко-пропагандистская роль РОА на полуострове проявилась наиболее сильно, что и заставило советское руководство провести целый комплекс соответствующих мероприятий. И выполнение этих мероприятий было возложено на крымских партизан.

Для того чтобы сорвать набор добровольцев и очернить в глазах населения саму идею власовского движения, был предпринят целый комплекс мероприятий военно-политического характера. За линией фронта этим занимались органы советской пропаганды, в Крыму — партизаны и подпольщики. Так, в ответ на начало вербовочной кампании на полуострове Главное политуправление Красной Армии выпустило в количестве 300 тыс. экземпляров листовку «Солдаты и офицеры РОА». В ней была предпринята попытка повлиять на записывающихся в эту армию добровольцев — и уже не только уговорами. «Вы стараетесь прикрыть свою измену, — говорилось в листовке, — громкими фразами о «борьбе с большевизмом» «за счастье народа», за «Новую Россию». Все это ложь — вы изменники. Вы просто служите немцам, потому что вам там хорошо живется. Вы продались за сытную еду, за красивую форму, за легкую жизнь. Немцы перед вами всячески заискивают, стараются вам угодить, лишь

бы вы дрались вместе с ними. Но вы про- считались...»

Если советская власть была еще вне пределов Крыма и могла действовать пока только пропагандой, то партизаны и подпольщики получили указания срывать вербовку в РОА любой ценой, вплоть до применения террора. В целом своей пропагандой и агитацией партизаны должны были создать атмосферу недоверия и нетерпимости по отношению к этой армии и тем, кто в нее записывался. Для этого следовало ответить на ряд вопросов, которые могли бы возникнуть у населения: «Что означает эта новая авантюра Гитлера... Для чего нужна Гитлеру РОА?» Говорить надо было так: «Германии до зарезу нужны солдаты, нужно мясо для пушек. Для этого и нужна немцам так называемая РОА. Гитлер хочет заставить русских людей воевать против России, против своих единокровных братьев, за чужие нам интересы немецких князей и баронов». На очень существенный вопрос «из кого состоит РОА?» предполагалось отвечать, что «она состоит из белогвардейцев, разгромленных в свое время Красной Армией и бежавших за границу. Кроме того, немцы силой загоняют в эту армию военнопленных. Гитлеровцы в своих газетах открыто пишут, что им нужна «белая армия»... Вот о какой армии мечтают немцы, в какую армию они хотят загнать русских людей и заставить воевать против своей отчизны... РОА — это наглый обман, это ловушка для русского народа».

«РУССКИЕ ФАНТАЗИИ» ИЛИ КОНЕЦ КРЫМСКИХ ВЛАСОВЦЕВ

Как известно, весь 1943 года прошел под знаком ухудшения положения германских вооруженных сил на Восточном фронте. Это, естественно, не могло не сказаться и на ситуации с крымским власовским движением. Например, уже в январе 1944 года в одном из отчетов Штаба пропаганды «Крым», озаглавленном «Об откликах населения на немецкую пропаганду», было отмечено некоторое ослабление энтузиазма крымчан и местных властей относительно власовцев. В газете «Голос Крыма», говорилось в этом отчете «...совершенно не пишется о РОА. Нужно было что-нибудь писать о ней, даже если она используется где-то на Итальянском фронте». Как ни парадоксально, но одновременно с этим немецкие власти не рекомендовали распространять власовские

газеты, такие как «Доброволец», «Заря», «Боевой путь» и другие, среди рабочих трудовых лагерей, опасаясь возникновения «руссских фантазий».

Скорее всего, имелись в виду «фантазии» о русской национальной идеи и так называемой третьей силе, то есть использовании РОА в качестве инструмента в борьбе и против большевиков, и против нацистов. Так, в том же отчете Штаба пропаганды «Крым» указывалось, что «среди населения имеется много сторонников... третьей силы». Это — люди, ожидающие окончательного завершения войны, которое наступит после полного поражения Германии и Советского Союза... Совершенно определенно, эти идеи косвенно или прямо направлены против немецких интересов. Несмотря на это, «Голос Крыма» опубликовал уже несколько статей, посвященных этому вопросу и созвучных общему мнению населения. Последней из таких публикаций является статья «Третья мировая война» в номере от 7 января 1944 года, где речь идет о том, что Англия и Америка третью мировую войну будут вести против СССР.. А Германия... вычеркивается».

В данном случае немцев беспокоило прежде всего то, что такие убеждения «снизили страх перед возвращением большевиков», что они могли оказаться на лояльности населения к оккупационным властям и повлиять на желание совместно с ними оборонять Крым. В конце концов подобные высказывания привели к тому, что теперь за пропагандистами РОА было установлено постоянное наблюдение, а для проведения лекций были выработаны унифицированные образцы докладов, которые утверждались в Штабе пропаганды «Крым».

В результате такие мероприятия привели к тому, что крымское власовское движение и крымская РОА прекратили фактически свое существование еще до полного освобождения полуострова. В феврале 1944 года немцы закрыли симферопольский вербовочный пункт. Как позднее вспоминал один из власовцев, «он стал привлекать к себе антибольшевистские силы с заводов и фабрик, из татарских аулов и городов Крыма».

Таким образом, немцы и здесь остались верны себе: им нужны были обычные наемники, а не идейные добровольцы. Эти наемники продолжали служить в рядах вермахта еще два месяца, до весеннего наступления Красной Армии, в ходе которого была разгромлена немецкая группировка на Крымском полуострове.

КОМАНДУЮЩИЙ BBC ROA ГЕНЕРАЛ-МАЙОР В.И. МАЛЬЦЕВ БЕСЕДУЕТ С ПОДЧИНЕННЫМИ. ГЕРМАНИЯ. ЗИМА 1944–1945 ГГ.

СПЕЦШТРАФ ОТРЯД

ЧЕКИСТЫ-УГОЛОВНИКИ В ТЫЛУ ВРАГА КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ КОНКРЕТНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно Секретно»

К лету 1942 года возглавляемое Павлом Судоплатовым 4-е управление НКВД заметно активизировало переброску своих спецотрядов за линию фронта. В мае 1942 года Сталин потребовал от руководства НКВД интенсифицировать террор против чиновников рейха. Хотя политические задачи — Бенеш в Чехии, а Сталин на оккупированной территории СССР — по всей видимости, решали при этом схожие, вряд ли можно усмотреть столь прямую и непосредственную связь между покушением на Гейдриха и сталинским указанием: Сталин эту задачуставил всегда.

Исходя хотя бы из своего опыта организации массовых репрессий в собственной стране, Сталин лучше всех понимал: незаменимых нет, убить одного — придет другой, а машина управления продолжит свое функционирование. Что, кстати, покушение на Гейдриха и показало. Тем не менее с первых дней войны была поставлена именно задача организации террора в тылу противника, за что как раз и отвечало судоплатовское управление. Порой его еще называли «партизанским», хотя никакого отношения к партизанству как таковому оно не имело: забрасываемые отряды специального назначения были не повстанцами, а чем-то вроде командос примитивной квалификации, оперировавших строго в рамках приказов и директив из Центра. Приоритетной же задачей «партизан» с Лубянки изначально был, повторюсь, терроризм. Тем не менее в рамках реализации высочайших указаний «усилить», «улучшить» и вообще работать «по-стахановски», отряды 4-го управления действительно пошли тогда за линию фронта косяком. Примечательно, что незадолго до выхода на задание командиров ряда отрядов и групп в присутствии Судоплатова самолично принимал Берия, не столько проводя финальный инструктаж, сколько, по всей видимости, ориентируя относительно таких указаний свыше, которые невозможно было передать через третью руку и доверить бумаге. Как некогда сказал автору этих строк полковник госбезопасности Виктор Кочетков (его группу 4-е управление забросило в тыл к немцам в мае 1942 года, позже подчинив ее спецотряду Медведева), «никакой разведкой мы не занимались». Задачу нарком нам ставил лишь одну: терроризировать командный состав вермахта, убивать генералов...». Положим, здесь мой собеседник изложил указания наркома в смягченной форме: штабы вермахта были совершенно недосыпаемы для «народных мстителей», так что доступной мишенью могли быть лишь чиновники оккупационной администрации.

В ТЫЛ ВРАГА С ЛЕСОПОВАЛА

Так или иначе, в числе таких спецотрядов, получивших задачи весьма специфического свойства, был и переброшенный в июне 1942 года через фронт отряд 4-го управления НКВД «Победители», командиром которого назначили капитана госбезопасности Дмитрия Медведева. Именно в этом отряде (или, точнее, под его прикрытием) оперировал спецагент и ликвидатор, известный под ником Николай Иванович Кузнецов, которого позже подадут нам в качестве разведчика. Между тем, с точки зрения тех же самых компетентных органов, которые его и отправляли за линию

РАЗВЕРНУТЫЙ ПО УКАЗАНИЮ СТАЛИНА ЧЕКИСТСКИЙ ТЕРРОР В ТЫЛУ ВРАГА ДОЛЖЕН БЫЛ, ПО ЗАМЫСЛУ ВОЖДЯ, СПРОВОЦИРОВАТЬ НЕМЦЕВ НА МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ, КОТОРЫЕ ВБИЛИ БЫ КЛИН МЕЖДУ ОККУПАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ И НАСЕЛЕНИЕМ. РЕАЛИЗОВАТЬ СТАЛИНСКИЕ УСТАНОВКИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ СПЕЦОТРЯДЫ, ЗАСЫЛАЕМЫЕ УПРАВЛЕНИЕМ ПАВЛА СУДОПЛАТОВА (ФОТО СПРАВА)

фрона, Кузнецов был лицом неблагонадежным и подозрительным. Конечно, он давний стукач-осведомитель органов, но при этом: исключался из комсомола, несколько раз подвергался арестам и предварительному заключению, имел две неснятые судимости и ограничение в правах. С таким счастьем — и за линию фронта? Не говоря уже о том, что вопрос относительно его реальной профессиональной квалификации остается открытым и понятне, а его техника исполнения терактов поражает своим дилетантизмом. Впрочем, как там однажды выразился товарищ Сталин, «других писателей у меня для вас нет?». Может, у тов. Берии и тов. Судоплатова других «разведчиков» тоже просто не было, вот и пришлось использовать то, что оказалось под рукой, включая проштрафившихся во время большой чистки чекистов: пусть, мол, кровью искупают свою вину, реальную или мнимую, перековываются на невидимом фронте, доказывая, что они «свои». Ведь и сам Судоплатов признавал, что «в начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах». Потому уже 1 сентября 1941 года и была утверждена «Инструкция о порядке отбора боевыхиков из числа заключенных исправительно-трудовых лагерей НКВД для заброски их в тыл к противнику». При этом приоритет отдавался бывшим сотрудникам НКВД.

Кстати, упомянутый выше Виктор Кочетков — он тоже был из «таких», проштрафившихся. В органах госбезопасности с 1920 года, много лет проработал в подразделениях ОГПУ-НКВД, курирующих транспорт, был начальником дорожно-транспортного отдела НКВД Орджоникидзевской железной дороги. Но в 1939 году был снят с должности «за допущенные извращения в следственной работе» и «грубые нарушения революционной законности», исключен из партии и затем арестован. В феврале 1940 года приговорен к пяти годам лагерей, но отбывать наказание отправлен, можно сказать, на льготных условиях: начальником строительства лесогорной дороги и Орджоникидзевского лесозавода, а затем директором паркетной фабрики отдела исправительно-трудовых

колоний НКВД. После начала войны освобожден и отправлен «искупать вину» в ведомство Судоплатова, хотя вовсе не был специалистом по подпольной деятельности, а об организации диверсий и терактов знал лишь из показаний тех железнодорожников, которых ранее арестовывал и допрашивал по 58-й статье. Тем не менее был назначен командиром отдельной группы, отданной затем под начало Медведева.

Впрочем, сам Дмитрий Медведев, согласно чекистским понятиям той эпохи, натурально считался «проштрафившимся». Во-первых, он, можно сказать, еще «дзержинского набора» — в ЧК с 1920 года, да еще сразу же на руководящей работе: возглавлял уездные ЧК, особые отделы губернских ЧК и ГПУ. Да и позже его карьера в территориальных органах шла блестяще — таких «ветеранов» при Ежове отстреливали вовсю, добивая остатки этих кадров уже при Берии. Более того, в ВЧК-ОГПУ-НКВД работали и все три брата Дмитрия Медведева — и все трое были репрессированы. Старшего брата, Александра, бывшего председателя Брянской и Новгородской ЧК, а затем ответственного работника Автогенного треста, первый раз исключили из партии еще в 1924 году — за активное участие в партийной оппозиции. Позже восстановили, но в 1935 году вновь вычистили — за «скрытие своего прошлого участия в оппозиции» и за «антипартийное высказывание в день годовщины убийства Кирова», в 1937 году он был арестован, спустя семь лет умер в лагере. Погиб в заключении и младший брат Медведева, Михаил; отсидел в лагере и брат Алексей, тоже чекист. Натурально, целая семья «врагов», да еще и чекистов, пусть и бывших! Более того, у будущего Героя Советского Союза хватало и своих, с точки зрения руководства, грехов. Например, в 1920-е годы Медведев работал и делал успешную карьеру в Одессе под началом Леонида Заковского — одного из самых известных, беспощадных и кровавых чекистов 1920—1930-х годов. Это была, конечно, та еще глыба: в середине 1920-х годов медведев-

ского наставника подозревали в причастности к целой серии убийств и ограблений перебежчиков, присвоению контрабанды. Впоследствии Заковский — один из организаторов Большого террора, расстрелян в августе 1938 года как латышский, германский, польский и английский шпион...

Еще круче оказался следующий наставник Медведева — Генрих Люшков: тот самый, который в 1938 году бежал к японцам в Маньчжурию, будучи начальником УНКВД Дальневосточного края. Но в конце 1920-х — начале 1930-х годов Люшков со своими подчиненными еще вовсю банкет, фабрикуя на Украине тысячи расстрельных дел, раскрывая несуществующие заговоры.

Чтобы сделать карьеру при таком начальстве, надо было постараться. Впрочем, был у нашего персонажа еще один начальственный сослуживец, столь же кроваво известный, «связь» с которым позже тоже считалась компрометирующей — Израиль Леплевский, фабрикатор огромного количества липовых дел, один из тех, кто в 1937 году кровавой метлой чистил армию от «военно-фашистского заговора», но в 1938 году сам был расстрелян как «участник фашистского заговора в НКВД»...

Пик карьеры Медведева пришелся на 1936 год: капитан госбезопасности (равнозначно тогда армейскому полковнику), закончил Курсы высшего начальствующего состава при Центральной школе НКВД СССР, его должны были перевести в центральный аппарат НКВД СССР. И вдруг на партсобрании выясняется, что его старший брат — «оппозиционер». Тут же следует исключение из партии «за связь с братом», правда, Дзержинский район ВКП(б) отменил это решение, объявив выговор. Но о работе в центральном аппарате уже можно забыть, отправлен в Харьков с понижением. Затем его все равно вычищают из НКВД «за скрытие связи с братом, арестованным как враг народа». Но «за живое» не взяли, хотя тогда и за меньшее стреляли.

Потом было принято решение «считать возможным использовать Д. Н. Медведева

в органах НКВД, но вне центрального аппарата», и он был вновь принят на работу в НКВД, только отправлен в отстойник для вышедших из доверия чекистов — в систему ГУЛАГа: замначальника 3-го отдела НКВД Беломорско-Балтийского комбината в Медвежьегорске, затем начальником 3-го отдела НКВД Норильского строительного комбината — 3-й отдел, он же оперативный, — это работа с осведомителями среди заключенных. Однако в ноябре 1939 года Медведев вновь вычищен из органов. К началу войны он — пенсионер НКВД, трудится управляющим межрайонной конторой № 3 треста «Мосгортоп» и проживает на подмосковной станции Томилино. 22 июня 1941 года он передает через бывшего коллегу рапорт на имя Берии от «почетного работника ВЧК, бывшего капитана госбезопасности Д. Н. Медведева»: проситель сообщает о своей «полной готовности на любую работу, на любой подвиг» и своем «непреодолимом желании отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом». Правда, невзирая на весь свой опыт «двадцатилетней оперативной работы», организовывать партизанские действия, диверсии и разведку «бывший капитан госбезопасности», конечно, еще не умел, поскольку ранее занимался совершенно иным. Скажем, во время работы в Одессе Медведев, несомненно, обрел немалую практику борьбы с бандитизмом. Но еще более богатым у него был опыт борьбы первоначально с небольшевистскими политическими партиями и организациями. Утверждают, что в одном из чекистских учебных заведений он позже даже читал спецкурс по методам внедрения в различные небольшевистские организации. Затем им был обретен и опыт борьбы с оппозицией уже внутри самой ВКП(б). Опять же был и немалый опыт беспощадной борьбы с теми советскими гражданами, настроения которых казались бдительным чекистам не вполне советскими. В конце концов, ведь именно за это Медведев многократно и награждался: серебряным портсигаром, золотыми часами от Коллегии Всеукраинской ЧК, дважды — именными наградным оружием — маузерами с гравировкой «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ»... Вот именно в своем главном качестве, спеца по карательству, он и оказался востребован, впрочем, как и многие другие. К слову, известный партизан, Герой Советского Союза Григорий Балицкий, в одной из своих дневниковых записей 1943 года охарактеризовал Медведева «зашкарублым энкеведистом».

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

Так что «сложные» биографии иных товарищей из состава его отряда не должны вызывать удивления: один историк даже назвал отряда Медведева «настоящим «отстойником» для чекистов-уголовников». Применительно к целому ряду персон с этим трудно спорить.

Скажем, Владимир Фролов, старый знакомец Медведева по совместной чекистской службе сначала в Одессе, а затем в Сталинском оперсекторе ГПУ Донецкой области. В отряде «Победитель» он, по одной из трактовок, был заместителем Медведева по агентурной разведке, хотя в ведении собственно разведки против немцев разбирался так же, как и его командир, то есть никак. Ибо ранее к разведке отношения не имел, прослужив в территориальных органах ОГПУ — НКВД на Украине, откуда и пошел на повышение в Москву. Но в июле 1938 года был исключен из партии, арестован по подозрению в шпионаже и как «социально- опасный элемент» осужден Особым совещанием при НКВД СССР к трем годам заключения. При этом, хотя чекистский стаж у него был с 1919 года, членом ВКП(б) он стал лишь в ...ноябрь 1936 года! Поскольку такого быть просто не могло, значит, за какие-то грехи из партии он ранее уже исключался. Отбыв срок, сей незаменимый «социально- опасный» чекист-специалист попал прямиком в ведомство Судоплатова. Но уже в марте 1944 года Фролов служит по ведомству совсем иному — в Управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний Управления НКВД по Московской области. Вернулся, так сказать, к истокам?

“ Тут же завели дело аж на 160 школьников, но для начала взяли 15, в том числе 10–12 летних детей. Почти восемь месяцев детей держали в переполненных камерах со взрослыми уголовниками и политическими заключенными.

В 1944 году судимость с него наконец сняли, но в партии не восстановили, предложив вступить в ВКП(б) на общих основаниях... Сведения, конечно, куцые и не особо конкретные, однако налицо компрометирующий чекиста в глазах начальства факт судимости и отсидки в лагере. Еще один заместитель Медведева по агентурной разведке (сколько же у него было замов по разведке?!), Александр Лукин, в 1940 году был снят с должности заместителя начальника Особого отдела Московского военного округа и исключен из партии, видимо, как тогда говорили, «за нарушение норм соцзаконности». В партии его восстановили лишь в конце 1944 года, после «искупления вины».

А вот Константин Пастаногов, мимоходом упомянутый в книгах Медведева как «героический» парень, куда более «знатный». Точнее, его кровавые дела: как установил историк Алексей Тепляков, Константин Пастаногов — один из главных организаторов массового террора в Новосибирской области. Свою карьеру он начинал в 1926 году в качестве секската Барабинского окружного отдела ОГПУ, позже зачислен в кадры. Когда по всей стране развернулась насилиственная «плошная коллективизация» и раскулачивание, Костя Пастаногов особо охотно вызывался в наряды по приведению в исполнение многочисленных расстрельных приговоров «кулакам». Тогда же он подвел под расстрел и родного дядю, написав на него донос.

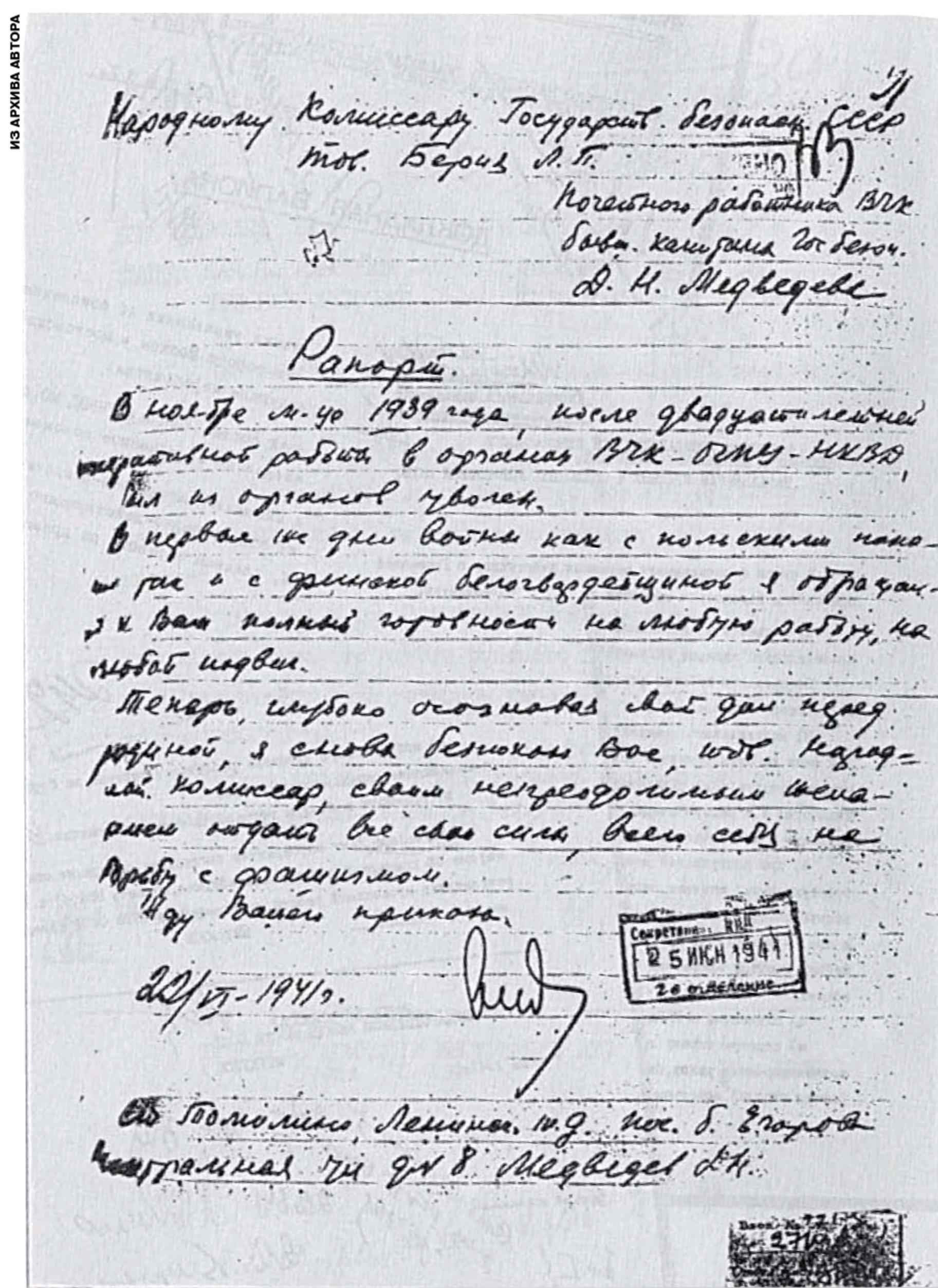
Правда, самолично расстреливать дядю якобы отказался, что ему попытались

инкриминировать в 1937 году. Но тогда в его защиту выступил начальник управления НКВД по Западно-Сибирскому краю Сергей Миронов-Король, разъяснивший подчиненным: «Приводить в исполнение приговор может не всякий чекист, просто иногда по состоянию здоровья... На его дядю первые материалы о контрреволюционной деятельности поступили от т. Пастаногова. И если бы даже Пастаногов заявил, что ему неудобно идти расстреливать дядю, здесь, мне кажется, не было бы нарушения партийной этики». То есть не так уж чтобы очень и отказывался? К тому времени на его «боевом счету» и без того были сотни лично им «исполненных», не считая тысячи тех, кого он подвел под расстрел уже как оперативник, следователь и начальник Секретно-политического отдела УНКВД по Новосибирской области, а затем и как временно исполняющий обязанности начальника областного УНКВД. Он даже пытался сфабриковать дело о фашистском заговоре... детей: в апреле 1938 года Пастаногов дал распоряжение начальнику Ленинск-Кузнецкого городделя НКВД Лунькову (запомните эту фамилию!) арестовать 60 детей, оформив на них дела как на участников «контрреволюционной фашистской организации». Сказано — сделано: Луньков исполнительно доложил Пастаногову, что вскрыта контрреволюционная организация, насчитывающая свыше 60 человек, планировавшая расширяться за счет вербовки учащихся, агитировать «за срыв занятий в школах и оставление учебы», терроризировать «передовиков учебы» и осуществлять

моральное разложение молодежи «путем втягивания в пьянки, половое сожительство и совершение хищений», а также вовлечь в ее ряды фашистские лозунги, популяризировать «методы троцкизма» и клеветать на вождей. Тут же завели дело, собрав обличительного материала аж на 160 школьников, но для начала взяли 15, в том числе 10–12 летних детей. Почти восемь месяцев детей держали в переполненных камерах со взрослыми уголовниками и политическими заключенными, выбывая из них показания. Разумеется, все быстро сознались, что состояли в контрреволюционной диверсионно-террористической повстанческой организации и по заданию врагов народа срывали портреты вождей, революционные лозунги и плакаты, писали «на стенах и заборах антисоветские выражения», распространяли среди пионеров и комсомольцев контрреволюционные анекдоты и частушки. Гуманная прокуратура дело тихо спустила на тормозах, отдав под суд «всего лишь» четверых... Еще у Пастаногова было хобби: обожал изобретать новые методы «дознания». Одним из таких его изобретений, сравнительно невинных, стал «хоровод»: арестант сажали на стул с острыми железками и целями часами чекисты толпой ходили вокруг него, изрыгая угрозы и нецензурную брань: «...Мы тебя заставим писать, нас больше, видишь, мученик, контрик!..» Арестованного Пастаноговым областного прокурора Игнатия Баркова так запытали, что во время одного из допросов он выбросился из окна его кабинета, с четвертого этажа здания УНКВД. В мае 1940 года Пастаногова исключили из партии и уволили из органов, затем арестованы, а в ноябре 1940 года впали в осемь лет лагерей «за нарушение законности». Однако и в лагере использовали, так сказать, по профилю: назначили старостой лагпункта в Новосибирске. Как без такого квалифицированного специалиста было обойтись Судоплатову? В конце 1941 года Пастаногов, не отсидевший из положенного срока и года, освобожден со снятием судимости и отправлен в отряд Медведева.

С какой специализацией? Догадайтесь сами. В тылу врага он пробыл едва ли месяц, получил ранение в руку, был эвакуирован на «большую землю», а в декабре 1943 года в числе прочих судоплатовцев получил орден Красной Звезды, затем был отправлен обратно в Новосибирск — помощником начальника областного Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний, после войны возглавил отдел СМЕРШ, курирующий милицию и пожарную охрану, но уже в 1946 году вновь был обвинен в злостных нарушениях «социалистической законности» и отправлен во Владивосток. Но и в той глухи так достал начальство, что был изгнан с оперативной работы и переведен в Севкузбасслаг МВД. Да вот и там не сладилось: уверовав еще со младых чекистских ногтей в магическую силу доносов, остановиться Пастаногов не смог, завалив ими вышестоящие инстанции. И в 1954 году был уже окончательно исключен из партии с уникальной формулировкой «за доносительство», вытурен из органов и уехал в Красноярский край...

Его подельник по «детскому делу», начальник Ленинск-Кузнецкого городделя НКВД Алексей Луньков, тоже оказался востребован за линией фронта, и тоже после отсидки. Кстати, именно Луньков, оказывается, в свое время и «настал» на Пастаногова, что тот злостно уклонился от расстрела своего дяди, особо подчеркнув, что тот приговор Пастаногову-старшему в исполнение «приводил лично я». Лунькова арестовали в 1939 году, но еще не за детей, а за то, что, когда осенью 1937 года его направили в Куйбышевский оперсектор УНКВД Новосибирской области, он вместе с коллегами, вместо того чтобы расстреливать осужденных, душил их верев-

К НАЧАЛУ ВОЙНЫ КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ УЖЕ БЫЛ ВЫКИНУТ ИЗ ОРГАНОВ, ПОСКОЛЬКУ СЧИТАЛСЯ «НЕБЛАГОНАДЕЖНЫМ», «ПОДЗРИТЕЛЬНЫМ» И ОЖИДАЛ АРЕСТА

ками, удавив порядка 600 человек. На заседании трибунала чекист оправдывался, что душил не садизма ради, а из-за неподходящих условий для расстрелов. Зато дело по удушению, мол, он поставил так образцово, что на каждого приговоренного тратили не больше минуты, набрасываясь на него впятером. Получив семь лет лагерей, в декабре 1941 года Луньков был освобожден и спешно отправлен на дальнейшую перековку к Судоплатову. Который тут же и откомандировал квалифицированного душегуба и детоляба для работы по специальности — начальником штаба в отряд Станислава Ваупшасова. Последний тоже тот еще фрукт: ветеран закордонных дел терроризма еще с начала 1920-х годов, когда в ходе операций так называемой активной разведки по заданию партии и правительства он резал на польской территории жандармов, пограничников и чиновников, провоцируя польские власти на карательные акции против населения Западной Белоруссии. После отправлен в традиционный чекистский отстойник — начальствовать над зеками на строительстве канала Москва—Волга. Потом была проигранная Испания, где «товарищ Альфред» трудился по основной специальности...

Еще один чекистский засланец в тыл врага, Иван Золотарь, тоже, кстати, сослуживец Пастаногова и предшественник Лунькова в должности начальника Ленинск-Кузнецкого городела НКВД. Отличился тем, что в 1934 году лично расстреливал осужденных алтайских немцев в Славгороде. А будучи уже начальником городела НКВД, свидетельствуют документы, «фиктивно создал в Ленинске троцкистскую организацию и с применением к нам издевательств и пыток заставил нас подписать ложные протоколы допроса, в которых записаны как участники этой контрреволюционной организации почти весь актив города...». Подчиненные Золотаря позже показали, что их начальник проявлял «особую жестокость» не только к арестованным, но и к самим чекистам. Погорел он на том, что, когда в октябре 1937 года в Ленинске-Кузнецком были расстреляны 369 человек, их тела

RU.WIKIPEDIA.ORG

СТАНИСЛАВ ВАУПШАСОВ СЧИТАЛСЯ СПЕЦИАЛИСТОМ ПО «ЗАКОРДОННОМУ ТЕРРОРУ» С НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ. ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ КОМАНДОВАЛ СПЕЦОТРЯДОМ «МЕСТНЫЕ»

даже не удосужились толком захоронить. Как показал на следствии бывший начальник УНКВД по Новосибирской области Григорий Горбач, «приговора в исполнение были приведены в таком месте и так, что на второй день какой-то человек натолкнулся на место, где был обнаружен труп». Впрочем, ему еще много чего инкриминировали, включая многочисленные интимные связи с подчиненными и присвоение казенного имущества, но свои пять лет лагерей он получил именно за расконспирацию места захоронения расстрелянных. Но, как водится, не досидел: в январе 1942 года освобожден по «особому ходатайству НКВД СССР» и с распростертыми объятиями встречен в судоплатовском управлении.

Еще один герой-судоплатовец, Лаврентий Якушев (Бабкин), тоже из разряда проштрафившихся гоблинов. Считался одним из наиболее беспощадных чекистов ежовского призыва. Как гласят документы, будучи с октября 1937 года по февраль 1938 года начальником УНКВД по Житомирской

области, он «лично принимал участие в избиении заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, в сожжении 11 заключенных. По его приказу заключенные сами копали себе могилы. 200–250 связанных заключенных ставили в очередь и расстреливали на глазах других заключенных». Еще по приказу Якушева его сотрудники «занимались вытаскиванием кирками и kleющими золотых зубов из рта трупов расстрелянных». Пошел на повышение: был назначен наркомом внутренних дел Крымской АССР, где трудился в поте лица аналогичным образом. В 1939 году приговорен к 20 годам лагерей, в том числе и за то, что уничтожил расстрел 553 человек, осужденных и казненных уже после запрета приводить в исполнение приговоры «троек». Уже осенью 1941 года Якушева амнистировали и направили «партизанить» к Судоплатову.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

На закуску можно привести еще парочку кадров. Леон Агабеков возглавлял секретно-политический отдел НКВД Узбекской ССР, в 1939 году арестован и затем осужден на пять лет — как участник «антисоветской заговорщицкой организации», по заданию которой «фальсифицировал следственные дела и производил необоснованные аресты». В 1942 году освобожден, отправлен к Судоплатову и заброшен в немецкий тыл как начальник группы. Отличился так, что замечен аж Богданом Кобуловым, первым замом наркома госбезопасности, отметившим в 1945 году, что опергруппа Агабекова «проделала серьезную работу по вскрытию деятельности ряда антисоветских польских и белорусских подпольных организаций, которые вели активную работу против Советского государства». Так ведь для того и посылали, не с немцами же бороться!

Еще один «партизан» Судоплатова, бывший начальник секретно-политического отдела УНКВД по Алтайскому краю Пётр Перминов, вообще был в мае 1941

года приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР за вполне конкретные и масштабные преступления против «социалистической законности», но затем «вышку» заменили на 10 лет, а в 1942 году амнистировали, сдали под расписку Судоплатову, который и отправил его в спецотряд Виктора Карабёва «Олимп». Впоследствии он стал заместителем по разведке уже в отряде своего старого сибирского приятеля, описанного выше Ивана Золотаря. Как позже сообщала справка-объективка НКГБ СССР, Перминов лично выявил до 200 «немецких шпионов-предателей» и участников националистических формирований...

Что и говорить, достойные борцы с фашизмом. Уж не знаю, какой страх могли нагнать эти гоблины на немцев, но что поистине смертный ужас на своих — это факт. Тем паче ведь и амнистированы-то были в своем большинстве вовсе не кадровые разведчики, а квалифицированные каратели — специалисты по части организации политического сыска и массовых репрессий. Случайность? Вряд ли: исполнители такого профиля, скорее всего, действительно подбирались, исходя из поставленных задач. Задачей № 1, как мы знаем, был террор. Формально в отношении генералитета и офицеров вермахта, а также чинов оккупационной администрации — это в первую очередь. Во вторую — против предателей и тех, кто сотрудничал с оккупантами. По крайней мере, это афишируемая часть дела, смысл которой очевиден: вбить клин между немецкой администрацией и населением, спровоцировав немцев на масштабные карательные акции и массовые репрессии того типа, что были проведены в СССР перед войной. Особенно желательно это было учинить в западных областях Украины и Белоруссии, которые, по сути, предстояло советизировать заново. Их население должно было так взвыть от немецких репрессий, чтобы встретить советскую власть как родную. Впрочем, на остальной части временно оккупированной территории тоже предстояла серьезная работа: слишком уж там «расслабилось» население, основательно забыв про колхозы, хлебозаготовки, лесоповалы, ударный труд по-стахановски, руководящую и направляющую роль ВКП(б) и лично товарища Сталина. Поэтому и необходимо было, не теряя времени, развертывать за линией фронта ту же чекистскую деятельность, что и на собственной территории: поиски «врагов народа» с последующим их репрессированием, пустя, конечно, и несколько не в тех масштабах. Вторая задача — контроль: бдить, выявляя и ставя на учет все, что подлежало ликвидации в свое время. Собственно ликвидация, это уже третья задача, открытый текстом обозначенная уже несколько позже — в закрытой директиве НКГБ № 583 от 22 октября 1943 года, приказывавшей приступить к ликвидации и «вывозу на свои базы для допроса» наиболее видных представителей всевозможных групп и партий, «расплодившихся» за время немецкой оккупации — русских, украинских, белорусских, польских «и других национальностей». Также надлежало «выявить и учесть» представителей несоветских вооруженных формирований. Одним словом, поступила команда провести масштабную чекистскую операцию по заблаговременному обезглавливанию в глубоком немецком тылу всех тех, кого посланцы Лубянки не сумели поставить под свой контроль. По возможности эту грязную работу желательно было сделать чужими руками: натравить немецких карателей на украинские и белорусские национальные отряды, а украинцев и белорусов — на польские формирования. Основная же сверхзадача: ликвидировать ту местную и национальную элиту, которая в перспективе могла представлять помеху и даже опасность для повторной советизации территорий. По сути, это было перенесение Большого террора за линию фронта. Вот как раз для реализации этой сталинской задачи «квалифицированные специалисты» из числа проштрафившихся чекистов и годились. В случае чего их совершенно не было жалко — отработанный материал.

RU.WIKIPEDIA.ORG

СПЕЦОТРЯД «ПОБЕДИТЕЛИ», КОТОРЫМ КОМАНДОВАЛ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ. В ЕГО СОСТАВЕ БЫЛО МНОГО БЫВШИХ ЧЕКИСТОВ С СУДИМОСТЬЮ, ИЗРЯДНО ЗАМАРАВШИХ СВОИ РУКИ КРОВЬЮ ВО ВРЕМЯ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

“ Уже 1 сентября 1941 года была утверждена «Инструкция о порядке отбора боевиков из числа заключенных исправительно-трудовых лагерей НКВД для заброски их в тыл к противнику». При этом приоритет отдавался бывшим сотрудникам НКВД.

убить антропоида

Мифы и реалии покушения на обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха

Владимир ВОРОНОВ

Специально для «Совершенно Секретно»

27 мая 1942 года подготовленные британцами чешские диверсанты-парашютисты совершили в Праге покушение на обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха. Он был руководителем РСХА (Главное управление имперской безопасности) и одновременно исполнял обязанности рейхспротектора Богемии и Моравии, оккупированной Чехии. Получивший осколочное ранение Гейдрих скончался 4 июня 1942 года. Трудно счесть, сколько исследований, романов и фильмов посвящено этой операции с кодовым наименованием «Антропоид».

Еще бы, это вообще единственный случай за всю войну, когда столь высокопоставленный функционер нацистского режима погибает, можно сказать, в сердце Третьего рейха от руки засланных диверсантов. Но на самом деле сенсационное покушение не напоминало акцию профессионалов, и ее успех — скорее результат причудливого стечения обстоятельств. А сама операция во многом напоминала спланированную провокацию.

В 10.30 утра 27 мая 1942 года машина Гейдриха на высокой скорости несется из замка в Паненских Бржезанах, где он жил с семьей, в Чернинский дворец, официальную резиденцию протектора. Машина перемещается без эскорта охраны: шикарный открытый черный кабриолет «Мерседес-Бенц» 320 С, стоимость 9900 рейхсмарок, изготовлен по спецзаказу в октябре 1941 года, 78-сильный двигатель может выдать до 130 км/ч.

На пути к Тройскому мосту дорога делает кругой изгиб, там обязательно придется снизить скорость и притормаживать — опти-мальное место для засады. Парашютист Йозеф Габчик подает своим товарищам сигнал зеркальцем о приближении машины. Когда «Мерседес» протектора притормаживает на крутом повороте, Йозеф Габчик вскidyывает пистолет-пулемет Sten и нажимает спусковой крючок. Он целился в лобовое стекло — Гейдрих сидит рядом с водителем, но переди нет — осечка. Бросив отказалось оружие, диверсант начинает отход, машина протектора, вместо того чтобы на скорости покинуть место покушения, останавливается: Гейдрих с водителем собираются преследовать диверсanta. Тут бросает бомбу Ян Кубиш, она рвется за правым задним колесом машины. Раненый осколком в лицо Кубиш отходит, Гейдрих пытается его догнать, но падает — он тоже ранен, чешские полицейские доставляют его в госпиталь. Операция, удаление поврежденной селезенки, временное улучшение и смерть от инфекции...

ДИВЕРСАНТЫ ЗАПЛАТИЛИ ЗА ОШИБКИ СВОИМИ ЖИЗНЯМИ

Покушение выглядело не подготовленной акцией профессионалов, а какой-то неумелой самодеятельностью. Поначалу все шло без сучка и задоринки: наладили наблюдение на маршруте перемещения Гейдриха, выбрали удобное место и момент для засады, но в самый ответственный момент, когда можно было

из архива автора

ПАРАШЮТИСТЫ-ДИВЕРСАНТЫ ЯН КУБИШ И ЙОЗЕФ ГАБЧИК, ОСУЩЕСТВИВШИЕ ПОКУШЕНИЕ НА ГЕЙДРИХА

из архива автора

Даже если цифры и завышены, все равно более грандиозной полицейской облавы мировая история пока не знает. Было задержано 13 119 человек, а в первые же дни за «одобрение покушения» немцы расстреляли 231 человека, еще 42 — «за сокрытие оружия», 343 — за связи с заграницей и «укрываемство врагов ряха», 77 — за несообщение места жительства. Всего тогда казнили 1331 человека. Тогда же близ Праги караули сожгли поселок Лидице, расстреляв всех мужчин старше 15 лет, отправив всех женщин на уничтожение в концлагерь Равенсбрюк, а детей — частью вывезли для «онемечивания», частью — отправили в газовые камеры концлагеря в Хелмно. Той же части подверглось село Лежаки — оттуда и вела передача рация парашютистов. Собственно на диверсантов, совершивших покушение (Габчика, Кубиша и Валчика), и четырех их товарищей-парашютистов — все они укрылись в пражском православном соборе святых Кирилла и Мефодия — немцы с трудом вышли лишь к 18 июня 1942 года. Как всегда, помог предатель — Карел Чурда, тоже парашютист-диверсант. Его десандтировали с борта британского самолета 28 марта 1942 года, но в организации покушения он участия не принимал, все это время скрываясь у родных.

16 июня 1942 года он явился в пражское отделение гестапо, сдав известные ему конспиративные квартиры. Устроив по указанным адресам облавы, гестаповцы вычислили последнюю базу диверсантов. Был приказ взять всех живыми, но парашютисты отбивались до последнего — когда патроны были на исходе, покончили с собой.

В ходе той гигантской облавы немцы практически полностью выкорчевали и подполье, и остатки британской агентурной сети. Как писал в своей официальной «Секретной истории УСО: Управление специальных операций в 1940—1945 годах» Уильям Маккензи, «цена оказалась крайне высокой: агентурная сеть, которая долго и тщательно создавалась с осени 1939 года, была уничтожена».

ЛОНДОН ПРЕСЕКАЛ ЛЮБУЮ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Но не сами диверсанты выбирали себе цель: даже временные рамки им диктовали из Лондона, пресекая любые попытки самодеятельности. Отсюда и целая гроздь вопросов: чего, собственно, хотели добиться устранением Гейдриха, какие реальные цели и задачи преследовали организаторы; когда и кем именно принималось решение о выборе объекта устранения? Формально считается, что ликвидация Гейдриха была делом сугубо «чешским». «Секретная история УСО» утверждает, что операцию «Антропоид» задумали и спланировали по указанию главы чехословацкого правительства в изгнании Эдварда Бенеша.

Бенеш — один из отцов-основателей чехословацкого государства, президент республики с 1935 года по октябрь 1938-го. Затем эмигрировал, а после начала Второй мировой войны возглавил Национальный комитет освобождения Чехословакии — правительство в изгнании, с 1940 года находившееся в Великобритании.

Созданные тогда же чехословацкие воинские формирования — во Франции до ее поражения, в Великобритании, на Ближнем Востоке — формально подчи-

стрелять без помех и буквально в упор, отказал пистолет-пулемет.

Английский Sten вообще печально известен своей капризной ненадежностью и неточным боем, способностью самопроизвольно начать палить от встряски или «зажевать» патрон в самый ответственный момент. Но тут уж ничего не поделаешь: солдат не волен в своем выборе, какое оружие выдали еще в Англии, тем и пришлось работать. У Габчика был еще пистолет, но, не воспользовавшись им для завершения дела, диверсант, бросив Sten, убегает. Вместо того чтобы умчаться с места покушения, Гейдрих приказывает своему водителю обершарфюреру СС Йоханнесу Кляйну остановиться, намереваясь пуститься за диверсантом в погоню — лично, пешком!

В этот момент Кубиш метает свою бомбу (или гранату), но... промахивается: не попав в салон открытой машины, она ударяется о крыло (или капот) и закатывается под заднее правое колесо, где и взрывается. Как позже установят, лишь один-единственный малюсенький осколок, насквозь пробив боковую стенку «Мерседеса» и спинку сиденья, вместе с щепками и обрывками мундира попал в селезенку Гейдриха.

Рейхспротектор, не осознав еще, что ранен, выскакивает из машины и бросается в погоню за террористом, пытается стрелять в него из своего 7,65-мм вальтера PPK, но безуспешно. Хотя стрелок Гейдрих отменный, но вояка он кабинетный: ни одного выстрела ему сделать не удалось, поскольку пистолет протектора не был заряжен — в обойме ни одного патрона. За Габчиком бросился уже водитель Кляйн, хотя он тоже ранен и контужен. Кляйн пытается стрелять из своего табельного пистолета, но тоже безуспешно: то ли осечка, то ли обойма пуста, то ли он вообще забыл снять оружие с предохранителя!

Убегающий Габчик заскакивает в мясную лавку, но его криками выдает хозяин лавки. Шофер Гейдриха ломится туда, и тут Габчик наконец вспоминает, что у него тоже есть пистолет: выхватывает, открывает огонь и ранит водителя-эсэсовца в ногу. Потом скрывается. Никакого отхода по плану: парни просто бежали сломя голову, куда глаза глядят, оставив на месте засады автомат с полным магазином, дамский велосипед, два кожаных портфеля, в одном из которых

осталась вторая бомба, плащ и приметную кепку из верблюжьей шерсти с фирменным знаком торгового дома Bila labut.

О какой профессиональной состоятельности подобных диверсантов можно говорить? Впрочем, не будем строги к тем парням, да и вообще не нам их судить: за свои (и чужие) просчеты они заплатили самой дорогой ценой — своими жизнями. Конечно, они прошли подготовку на британских базах, в их активе были десятки парашютных прыжков и сотни часов на стрельбищах, но хладнокровными убийцами они так и не успели стать. Да и вообще они еще никого не убивали в упор — своими руками, глядя в глаза жертве. Ребятам элементарно было страшно: все, что запланировали и обговорили заранее, было в момент позабыто...

Впрочем, забегая вперед, замечу, что их руководители и инструкторы, умудренные, казалось бы, многолетним опытом тайной войны и секретных операций, по части профессионализма оказались не лучше: экипировка с вооружением оказались так себе, и выбросили диверсантов совершенно не в тот район, где планировалось (впрочем, во время той войны этим грешили все), да еще снабдили одеждой, некоторые предметы которой были английского производства — с этикетками лондонских магазинов и даже метками английских прачечных и химчисток, в том числе... армейских! Даже носки — и те английские. Тот еще «профессионализм», так ведь удалось же!

В ОТВЕТ НЕМЦЫ РАЗГРОМИЛИ ВСЕ МЕСТНОЕ ПОДПОЛЬЕ

В истории чешского Сопротивления покушение на Гейдриха, безусловно, самое эпическое событие. Но оценка его последствий неоднозначна. В тот же день по всему протекторату было введено чрезвычайное положение, комендантский час, в Праге начались массовые обыски и аресты. Как полагают, за время той «большой облавы» было проверено аж 4 млн 750 тыс. человек, при этом в операции задействовали чуть не 450 тыс. полицейских, жандармов, солдат вермахта и частей СС, сотрудников различных структур и подразделений СД.

ПОВРЕЖДЕННАЯ ВЗРЫВОМ БОМБЫ МАШИНА ГЕЙДРИХА НА МЕСТЕ ПОКУШЕНИЯ

нались правительству Бенеша, реально же формирования, бывшие на Западе, состояли на содержании Лондона. Они функционировали под британским присмотром, а на фронте действовали под началом британцев и в рамках планов соответствующего командования, а вовсе не правительства в изгнании. Которое, кстати, само находилось на содержании британского правительства.

Схожим образом функционировал и второй отдел Главного штаба Министерства национальной обороны Чехословацкой Республики – военная разведка, во главе которой стоял полковник Франтишек Моравец (в 1943 году ему присвоено звание бригадного генерала). Еще в начале марта 1938 года Моравец, получив от своей агентуры сведения о предстоящем немецком вторжении и оккупации, принял предложение британской разведки о сотрудничестве: приказал уничтожить все архивы своего ведомства, не допустив попадания данных об агентуре к немцам. За день до германского вторжения в Чехословакию, 14 марта 1939 года, полковник Моравец, забрав ключевые досье, вместе с 10 своими сотрудниками вылетел из Праги в Роттердам, а позже – в Лондон к своим опекунам из Secret Intelligence Service (SIS). Именно служба полковника Моравца и отбирала среди военнослужащих чехословацкого контингента в Англии тех, кому предстояло реализовать операцию «Антрапоид».

СНАЧАЛА АКЦИЮ ПЛАНИРОВАЛИ НА ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Один из первых документов о подготовке покушения на Гейдриха датирован 3 октября 1941 года, а саму акцию первоначально планировали на 28 октября того же года. Во-первых, это национальный праздник – День независимости Чехословацкой Республики. И во-вторых, в самой Чехии произошли серьезные кадровые подвижки – 27 сентября 1941 года и.о. рейхспротектора Богемии и Моравии был назначен Рейнхард Гейдрих. Видимо, в Лондоне решили ковать железо, пока горячо.

Как утверждал Моравец, именно тогда он предложил Бенешу использовать его парашютистов, чтобы «подготовить особо важную операцию против нацистов – убийство одного из их главарей». Замысел, конечно, интересный, но план операции еще предстояло разработать, подобрав кадры для ее осуществления, и, подготовив их, забросить в оккупированную Чехию, расконсервировать там агентурную сеть, подготовить для исполните-

лей конспиративные квартиры, затем забросить, обеспечив снаряжением, оружием, деньгами, документами прикрытия, средствами связи. Ах, да, все это еще нужно согласовать с британскими «партнерами» – диверсанты готовились на британских базах британскими инструкторами, экипировались теми же британцами, не говоря уже про то, что дальние бомбардировщики дляброски диверсантов – тоже британские... Одним словом, работы непочатый край, но на все и про все 25 дней?! Нереально.

Сроки пришлось подвинуть. Однако первого радиста Франтишека Павелку забросили в протекторат уже в ночь с 3 на 4 октября 1941 года – значит, задумка родилась много раньше да подготовка велась? Павелка продержался недолго: немцы взяли его 25 октября 1941 года, раскрыв ту подпольную сеть, на которую и собирались опереться диверсанты. Главных исполнителей, Кубиша и Габчика, тоже забросили не с первой попытки: то нелетная погода, то сильная облачность, не позволявшая штурману вывести самолет на точкуброса. Лишь в ночь с 28 на 29 декабря 1941 года тяжелый бомбардировщик королевских BBC Handley Page Halifax, вылетевший с аэродрома в Сассексе, десантировал Кубиша и Габчика. Но из-за навигационной ошибки выброска произошла не в запланированном районе близ Пльзеня, а в пригороде Праги. Позже было заброшено еще несколько групп, и каждый раз их выбрасывали не там, где планировалось, при этом многие получили травмы, утратили оборудование и снаряжение. Радист Вильям Герик 4 апреля 1942 года добровольно сдался немцам и стал сотрудничать с гестапо. Парашютист Иван Коларжик был раскрыт немцами 1 апреля 1942 года и покончил с собой при попытке захвата. Заброшенный в той же группе Карел Чурда, как мы уже знаем, 16 июня 1942 года добровольно явился в гестапо.

Сброшенные 29 апреля 1942 года в рамках операции Tin парашютисты Ярослав Шварц и Людвиг Цупал свое задание выполнить не смогли – они должны были убить министра образования и пропаганды Протектората Эммануэля Моравца. При десантировании оба получили травмы и потеряли всю экипировку. Шварц погиб при штурме собора Кирилла и Мефодия в Праге, а Цупала в январе 1943 года выдал гестапо его же собственный отец, и при попытке ареста Людвиг застрелился. «Я был прекрасно обучен подрывной деятельности и считался хорошим стрелком, но к чему мне это все было тогда, – с горечью скажет позже Владимир Шаха, один из

выживших парашютистов. – Я не имел и 10 граммов взрывчатки, и у меня было в общей сложности лишь 16 пистолетных патронов. Была радиостанция, но мы едва знали, как на ней работать, и не могли ее исправить...»

ДИРЕКЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ЗАКАЗЧИКА

В своих мемуарах Франтишек Моравец твердо держался версии, что операция была именно «чешской», а роль англичан – сугубо вспомогательная, вроде как они лишь извозчиками поработали. Насколько это соответствует действительности? Согласно официальной британской трактовке, чехословацкое правительство в изгнании по целому ряду позиций сохранило весьма привилегированный статус. Так, ему позволили сдерживать собственные радиостанции в Англии, получать и отправлять сообщения без цензуры, их связи почти не регулировались... и они могли по собственному усмотрению сообщать или не сообщать о них УСО.

Вдобавок они несли единоличную ответственность за формирование групп и отбор агентов, отправлявшихся на задание, давали им последние указания перед отправкой «в поле» и получали сведения от агентов по возвращении. Одним словом, убеждают нас, «УСО... являлось всего-навсего снабженческой конторой, отвечавшей за предоставление транспорта, оборудования, денег и еще частично за учебную подготовку». Согласно британской версии, люди Бенеша «вели себя довольно изворотливо, используя УСО для помощи в установлении новых связей, но не желая быть слишком вовлечеными в планы УСО. Ключевые позиции они держали в своих руках. Им разрешили пользоваться собственными шифрами, вести работу на собственных радиостанциях, свободных от всяческой цензуры... Агентами становились люди, ими отобранные, и последние указания этим агентам давали тоже чехи. УСО, следовательно, могло лишь советовать: у управления не было права контролировать, как выполняются даже согласованные планы». Чехословацкая военная разведка на полную мощь эксплуатировала британскую диверсионную службу? Звучит как сказка.

Кто в разгар войны позволил бы иностранцам бесконтрольно выходить в эфир со своих передатчиков, пользоваться своими шифрами, отправляя радиограммы неизвестного содержания непонятно куда и кому? Кто мог дать гарантию, что этим не воспользуется германская агентура, каковая вполне могла быть в чехословацких формированиях? Да и не верится, что английские джентльмены, колющие немецкие шифры, не читали чешских шифровок: доверие доверием, но контрразведывательные меры никто не отменял. Не может быть и равных партнерских отношений хозяина с теми, кто пользуется его благосклонностью, деньгами, ресурсами, территорией. Другое дело, что незачем афишировать истинный характер отношений: в конце концов, если «действовали эти агенты ради собственного правительства, а не ради УСО», то пусть так полагают и дальше.

ВСЮДУ СОТНИ И СОТНИ ПРЕДАТЕЛЕЙ...

Даже если это и была «его» операция, могли в тех условиях пан Моравец не согласовать с британскими кураторами ее цели и задачи, взяв на себя единоличное право решать, кого из фюреров Третьего рейха лишить жизни? Такая самодеятельность вряд ли прилась бы по вкусу гостеприимным хозяевам. В свою очередь «старшие товарищи» тоже не рисковали бы принять на себя такую ответственность. Но кто, кроме Черчилля, мог дать такую санкцию руководителям британских секретных служб?

Насколько сами британцы (и их подопечные) владели реальной информацией о ситуации в протекторате? В истории УСО значится, что в конце 1940 года у британских разведслужб на территории Чехословакии не было ни одной радиостанции и ни одного агента. Что изменилось к весне 1942 года? Заброшены десятки парашютистов, куча радиостанций, радисты. Но, оказывается, несмотря на все это, чешское диверсионное подполье с Лондоном связывала лишь одна-единственная рация с кодовым именем «Либуше». Все остальные утеряны, разбиты при высадке или захвачены немцами.

Одна рация на всю Чехию! Это означает полное отсутствие не просто реальной агентурной сети, но и реальной информации о ситуации на месте. А как без такой информации проводить операции? Да какие там операции, если агентуре, как оказалось, просто не на кого опереться! Выжившие парашютисты утверждали: их забросили в абсолютно враждебную среду, фактически без связи и на произвол судьбы. В Лондоне им говорили, что помочь и укрытие они найдут всюду, а вышло прямо противоположное.

Один из парашютистов, Ян Земек, вспоминал: «У нас была разве лишь последняя пуля, чтобы прострелить себе голову... Всюду сотни и сотни предателей... Люди не доверяли друг другу. Когда высадились члены группы Platinum, они пришли по адресу, считавшемуся надежным. Но хозяин квартиры их выгнал, а потом выдал...» Владимир Шаха: «Почему никто из нас не ожидал, что по данным нам адресам ожидает отказ? Потому что Лондон считал, что эти люди нам помогут. Мы совершенно не представляли, что нас ждет в нашей же оккупированной стране». У того же радиста Вильяма Герика, когда он после выброски добрался до Праги, были деньги, но, как оказалось, нужны были не деньги, а продуктые карточки. Когда он появился на конспиративной квартире, ее хозяин посоветовал ему обратиться... в гестапо. Голодный и оборванный радист, доведенный до нервного срыва, сдался полиции...

ОККУПАЦИЯ И КОЛЛАБОРАЦИЯ

Наши представления об оккупации сформированы фильмами и книгами советской эпохи: пустынные уочки

мрачного города, по которым до начала комендантского часа стремятся прошмыгнуть редкие и плохо одетые прохожие, на каждом шагу парные патрули эсэсовцев в касках и с автоматами, рвущиеся с поводка со злобным лаем овчарки, грохочущие по мостовым гусеницы танков, солдаты в полной полевой выкладке, зловеще взирающие из-под глубоких касок, лающие команды, выстрелы, виселицы...

Прага того времени выглядела совершенно иначе. Судя по воспоминаниям, утро среды 27 мая 1942 года было солнечным, теплым. Улицы заполнял поток хорошо одетых людей, спешащих на работу на велосипедах или на трамваях хорошо знакомой нам красно-белой расцветки. На каждом углу пекарни, кондитерские, кафе, продуктовые лавочки. Школьники направляются в гимназии, в скверах гуляют мамы с колясками, на Влтаве уже снуют прогулочные кораблики. По вечерам дают представления театры, работает кинематограф, народ сидит в трактирах и пивных, а по улицам неспешно дефилируют чешские полицейские — в привычной глазу форме старого образца. И никакого комендантского часа с патрулями.

Продуктовые лавки полны и изобилуют, но без карточек уже не обойтись: не то чтобы уж очень ощущалась нехватка продуктов, просто это еще одна форма контроля за населением, помимо уже обязательных трудовых книжек и сохранившейся со времен республики полицейской регистрации по месту жительства. А в целом все почти как «до немцев», хотя, разумеется, в полной мере работали и специальные службы Третьего рейха, а для чешских евреев настали поистине черные времена.

Для подавляющей же части населения мало что изменилось: порядки те же, муниципальная власть и полиция остались, все те же старости, мэры, муниципалитеты, так же работают почты, больницы, школы, суды, так же функционируют системы социального обеспечения и налоговая. Даже президент, правда уже протектората, тот же — бывший президент республики Эмиль Гаха, есть и правительство: премьер, министры. Запрещены старые политические партии, но это можно пережить. Более того, немцы даже учредили вооруженные силы протектората: пусть там всего 7 тыс. «штыков», зато сохранены прежняя форма, звания, эмблемы, система наград, а костяк — генералы, офицеры иunter-oficers старой чехословацкой армии.

Все это не из гуманизма, а сугубо из немецкого pragmatizma: к чему менять пирамиду власти, если ее целесообразнее использовать в том же виде, но под своим контролем. Конечно, первые месяцы оккупации чехам было обидно, случались забастовки, на улицы выплескивались демонстрации, в ответ следовали репрессии — аресты, порой расстрелы. Но благодаря грамотной политике немецких функционеров к 1941 году все в основном успокоилось, особенно когда решился вопрос с безработицей. А там уже и Гейдрих появился: за какие-то две-три недели он полностью ликвидировал остатки Сопротивления. Но затем резко сократил террор и объявил об окончании политических преследований, повысил норму жиров для 2 млн чешских рабочих, выделил 200 тыс. пар обуви для тех, кто работал в военной промышленности, увеличил рацион сигарет и продуктов, выдаваемых по карточкам. А еще реквизировал гостиницы и пансионаты на курортах, превратив их в дома отдыха для чешских рабочих. Было еще много всякого по «мелочам», включая повышение зарплаты и улучшение системы социального обеспечения. Одним словом, народ к нему проникся. Потому Гейдрих и передвигался в открытой машине и без охраны: не оттого, что был безрассудно храбр или глуп — он действительно ощущал себя в Чехии как дома. При таком режиме тотальной коллегии паразитам из Лондона ловить было нечего.

По приказу Гейдриха убиты и замучены в тюрьмах десятки тысяч чехов, сотни тысяч чехов заключены в концентрационные лагеря. Мы надеялись, что казнь Гейдриха всколыхнет народ и он стихийно восстанет против нацистского террора».

РЕАЛЬНАЯ РОЛЬ ГЕЙДРИХА БЫЛА НЕИЗВЕСТНА

Официальная легенда гласит: Гейдриха убили потому, что он — кровавый гитлеровский палач, учинивший вакханалию массового террора. Одним словом, рука народных мстителей настигла мучителя чешского народа, воздав ему за все злодеяния. Звучит убедительно. Но с одной поправкой: все, что мы знаем о Гейдрихе и его злодеяниях, мы знаем именно сейчас, а тогда это не было информацией общеизвестной. Гейдрих, бесспорно, кровавый палач, но его реальная роль в организации системы нацистского террора тогда была покрыта мраком тайны.

Разумеется, кое о чем можно было догадываться, читая официальные объявления о судах и казнях за саботаж. Но в интересующий нас отрезок истории можно было лишь предполагать, что Гейдрих — «кровавый палач», да и то лишь потому, что нацисты «все такие». Обычно в качестве подтверждения приводят деятельность Гейдриха в первые недели после его воцарения в Праге: приказал арестовать премьер-министра правительства протектората генерала Алоиса Элиаша, и того приговорили к смертной казни. Но тот приговор привели в исполнение лишь после смерти Гейдриха.

В вышедшем уже 28 мая 1942 года статье про покушение на Гейдриха советская «Красная звезда» писала, что «по приказу Гейдриха убиты и замучены в тюрьмах десятки тысяч чехов, сотни тысяч чехов заключены в концентрационные лагеря». Да, в первые 12 дней правления Гейдриха были казнены 207 человек — немало, но не десятки же тысячи! В октябре 1941 года, когда террор достиг своей кульминации, количество арестованных приблизилось к 2800, а всего при Гейдрихе были арестованы около 5 тыс. человек. Много, но все же эти цифры далеки от приписываемых Гейдриху.

Может, в Лондоне просто показалось заманчивым организовать покушение на столь видного деятеля Третьего рейха? Именуя Гейдриха «третей фигуруй рейха», далекие от истории «историки»

отчего-то с особым почтением цитируют Вальтера Шелленберга, называвшего своего шефа «невидимым стержнем, вокруг которого вращался нацистский режим». Но фигура в Третьем рейхе была только одна-единственная — и мы ее знаем. Все остальные, включая Гейдриха, были вполне себе заменяемыми безликими функционерами: у фюрера таких «незаменимых» пучок на пятакоч. Так ведь и практика показала, что убийство Гейдриха-функционера не изменило ровным счетом ничего: он деловито был заменен другим. Машина управления протекторатом, не притормозив, продолжила бесперебойное функционирование до мая 1945 года.

Маловероятно, что на сей счет могли питать иллюзии те, кто отвечал за разработку покушения в Лондоне: уж им-то прекрасно было ведомо, что судьбы Чехии решаются не протектором и даже не в Праге. Значит, были иные мотивы?

ГЕЙДРИХА УБИЛИ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬ ПРЕСТИЖ БЕНЕША

По словам полковника Моравеца, «такая операция, во-первых, подняла бы престиж Чехословакии на международной арене. Во-вторых, ее успех подтолкнет движение народных масс», хотя при этом «плата за жизнь Гейдриха будет высокой». Президент Бенеш, «внимательно выслушав мои доводы, заявил, что он как верховный главнокомандующий согласен с ними и считает, что, хотя операция и потребует жертв, она необходима для блага родины». И отдал приказ разработать все в строжайшей тайне:

«Тогда этот акт может быть расценен как стихийное проявление отчаяния народа». Начальник же разведки лицемерно добавил: «Мы надеялись, что казнь Гейдриха всколыхнет народ и он, сомкнув свои ряды, действительно стихийно восстанет против нацистского

террора». Чушь! Уж кто-то, а разведчик прекрасно знал: никакого Сопротивления в Чехии нет, «колыхать» там некого и некому, а уж про восстание — это и вовсе из разряда цинизма в особо извращенной форме.

Итак, вот цели и задачи покушения по полковнику Моравецу: «поднять престиж Чехословакии на международной арене» и «для блага родины». То есть во благо лондонского правительства Бенеша и поднятия его, так сказать, рейтинга: пусть все видят, что чешский народ сражается под его, Бенеша, руководством. Именно благодаря этому покушению, утверждает современный чешский политик Павел Севера, «мировая демократическая общественность узнала и о существовании Сопротивления внутри страны», а «репрессии, связанные с нацистами после покушения, вызвали симпатию и сочувствие у многих людей в странах тогдашнего демократического мира».

Во имя поднятия престижа политиков — покушение, а вызванный им террор — для инициирования симпатии и сочувствия? На нормальном языке это именуется однозначно: провокация. Есть, правда, и версия, что правительству Бенеша любой ценой надо было добиться послевоенного пересмотра границ. И после ликвидации Гейдриха Британия денонсировала Мюнхенское соглашение, согласившись на восстановление Чехословакии в прежних границах. Отметились, значит, что «мы тоже здесь стояли», дабы застолбить для себя послевоенную площадку?

Еще одной задачей операции «Антрапоид» могла быть, по образному выражению ряда историков, «инъекция гражданского мужества». Никто не сомневался, что убийство Гейдриха вызовет жестокие ответные репрессии — как там у полковника Моравеца, «операция потребует жертв» и «плата за жизнь Гейдриха будет высокой»? Тем не менее «она необходима для блага родины», поскольку, полагали в Лондоне, такие карательные акции подтолкнут чехов к действию.

Как утверждал Мирослав Каха, один из участников Сопротивления, покушение на Гейдриха имело целью предотвратить растущий коллаборационизм чехов, поскольку этот «коллаборационизм среди граждан начал превышать разумную меру», чем союзники и попрекали Бенеша. Гейдрих же тем временем «принимал у себя делегации земледельцев и фабричных рабочих... ввел у нас дома отдыха и санатории для работающих», что нравилось населению. Вот, мол, и было принято решение: покарать Гейдриха за разврат народа, да и народ заодно... Но надо понимать, что истинным заказчиком акции были все же не Бенеш и Моравец, а те, кто эту операцию реально обеспечил, и парашютисты подготавливавшие и бомбардировщики для их заброски предстали перед расправой на месте. Все эти, рестораны, кино, танцевальные места заполняются дополнительными людьми, что делает расстрелы на месте более опасными, что будут расстреляны все со своим солдатом все те, кто имеет в настороженности слишком высокую известь об этом факте.

ЧЕНСКА, 27 мая (ТАСС). Правдивое распространение передала распространение гитлеровской власти в том, что правительство Чехии и Моравии объявило на чешско-моравской земле о положении чрезвычайного положения. В Праге запрещено появление на улицах с 21 часа до 6 часов. В Праге указывается, что всякий, кто выйдет на улицы после 21 часа, будет расстрелян на месте. Все эти места, рестораны, кино, танцевальные места заполняются дополнительными людьми, что делает расстрелы на месте более опасными, что будут расстреляны все со своим солдатом все те, кто имеет в настороженности слишком высокую известь об этом факте.

ИЗ АРХИВА АВТОРА

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВСТУПЛЕНИИ ГЕЙДРИХА В ДОЛЖНОСТЬ РЕЙХСПРОТЕКТОРА В ЧЕШСКОЙ ГАЗЕТЕ «НАРОДНА ПОЛИТИКА» (СЛЕВА) И СООБЩЕНИЕ О ПОКУШЕНИИ НА ГЕЙДРИХА В «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЕ»

ГОРОД ЗОЛОТОЙ

Бывшая столица восточной Пруссии хранит тысячи утерянных в годы войны сокровищ

Петр ГРАДОВ

Специально для «Совершенно секретно»

В Калининградской области продолжается необычная экспедиция по поиску ценностей, утраченных в годы Второй мировой войны. Руководитель археологической группы, известный в регионе краевед Сергей Трифонов уверен, что находится в шаге от разгадки самых сокровенных тайн того времени.

Несмотря на то что с момента окончания Второй мировой войны прошло уже почти 73 года, загадок, которые оставила самая кровавая в истории человечества военная кампания, не становится меньше.

Источники со временем открываются, становятся доступными, но уходят свидетели тех или иных событий, и расскреченные документы порой представляют только архивную ценность, — констатирует военный историк Сергей Каменских. — Тайны связаны со многими аспектами того времени. До сих пор никто точно не может определить реальную цифру человеческих потерь в ходе войны. Особой графой можно перечислять и утраченные в годы войны культурные и художественные ценности. В первую очередь — вывезенные из СССР и стран Восточной Европы и словно канувшие в небытие. Для многих шедевров последним пунктом их назначения и хранения был Кёнигсберг, а дальше — неизвестность. Тайны, тайны, самой знаменитой из которых является Янтарная комната.

Рассказывать о формальных экспедициях, регулярно снаряжаемых в послевоенное время, чтобы отыскать похищенное и утраченное, не хватит и нескольких увесистых фолиантов. Реляции об удачах поисковиков можно компактно разместить на одной странице формата брошюры. И даже в этом скромном перечне большая часть находок связана, как ни парадоксально, все с тем же Кёнигсбергом.

Столица Восточной Пруссии являлась официальным местом базирования художественных трофеев, — продолжает историк. — Более того, надо было понимать и ментальность вождей рейха, уверенных, что Кёнигсберг — неприступная твердыня. Поэтому до последнего дня здесь особо и не помышляли об эвакуации награбленного. Ту же Янтарную комнату, ставшую символом военных загадок, свидетели видели в Королевском замке 3 апреля 1945 года. То есть за три дня до штурма города. Когда практически все пути к эвакуации были отрезаны и дороги Восточной Пруссии подвергались бомбежкам советской авиации.

Удалось ли довезти это сокровище до Пиллау, чтобы потом по морю переправить в Германию? И был ли смысл ее туда отправлять, если Красная Армия уже тогда штурмовала Зееловские высоты. Большой вопрос! А может, ее никуда и не вывозили. Спрятали в городе или близ него. Еще один след, который в последние годы находит все новые подтверждения — восточный. После взятия Кёнигсберга военачальники не стеснялись вагонами отправлять трофеи своим близким. Не случайно в 70–80-х годах прошлого века ряд пропавших в Восточной Пруссии раритетов странным образом обнаруживались на подмосковных генеральских дачах. Так что поиски сокровищ актуальны и сегодня, а вектор

исследований вполне логично распространить на все стороны света. И на восток, и на запад.

ОСНОВНОЙ ВЕРСИОННЫЙ ОБЪЕКТ

Тем не менее абсолютное число компетентных любителей загадок считают, что большинство без вести пропавших уникальных шедевров следует искать в немецком Кёнигсберге, ставшим после войны российским Калининградом. И для подобных утверждений существует масса прямых и косвенных подтверждений.

— Могу с уверенностью сказать, все это время существовала бурная, порой кипучая, но все-таки видимость исследований, — утверждает известный калининградский эксперт по охране памятников Авенир Овсянов. — Системной работы в регионе практически не велось. Неслучайно самым эффективным в поисках сокровищ оказался 1945 год. Найденное, что называется, по горячим следам. Тогда в Восточную Пруссию были направлены экспедиции из Москвы, Ленинграда, Киева, Вильнюса. Никакой централизованной координации в работе данных групп не было. Как правило, экспедиции снаряжали сами музеи, разыскивавшие свои пропавшие экспонаты.

Ну и находили, соответственно, то, что лежит на поверхности. Спонтанная работа таких заезжих бригад зачастую зависела от удачи в поиске необходимых очевидцев, от доброй воли комендатур, которые могли помочь и выделить личный состав на раскопки, а могли и отказать. Брали все, что находили, и не всегда свое. В результате подобного послевоенного хаотичного ажиотажа многие музеи страны по сей день находятся между собой в состоянии войны. На один шедевр несколько претендентов. Из одних запасников вещь вывезли, посланцы другого музея нашли и забрали.

По общему мнению экспертов: единственным, кто действительно подошел к поискам системно, сумел оценить и подробно описать найденное, оказался брат известного поэта Валерия Брюсова — Александр, посланный в Кёнигсберг по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандующего в апреле 1945-го. Сразу же после взятия города. Но, несмотря на высокие полномочия, предоставленные в Москве искусствоведу, его миссия также не обошлась без потерь. Часть найденных Брюсовым ценностей была разграблена прямо в одной из комендатур Кёнигсберга, а некоторые отправленные в особо охраняемых вагонах ящики с раритетами прибыли в столицу в неполном объеме и без приложенных реестров.

Послевоенный азарт в поисках утраченного сменила рутину восстановления народного хозяйства, и к разгадке тайн, оставленных гитлеровцами, в Москве вернулись только спустя 20 лет.

— В 1969 году была организована геологоразведочная экспедиция, получившая статус государственной, в которой я был экспертом, — вспоминает Овсянов. — Несмотря на хорошую идею, в самом этом предприятии оказалось немало подводных камней, так и не позволивших сделать серьезные открытия. Так, в состав группы вошло немало энтузиастов, а вот профессионалов среди них было очень и очень мало. Во-вторых, экспедиция работала на территории закрытого в то время региона, и для того, чтобы привезти сюда очевидца из другой области СССР, надо было исписать тонну бумаги. Про иностранных свидетелей не говорю! Пока оформляли разрешительные документы на одного жителя ГДР, он успел умереть. Да и оснащение оставляло желать много лучшего. Поэтому за 15 лет работы нашей группы серьезных кардинальных открытий не случилось.

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ТАЙНЫ

Тем не менее авторитетные военные историки и археологи не сомневаются — калининградская земля не раскрыла и сотой доли погребенных в ней секретов.

— У нас регулярно появляются различные группы исследователей, разрабатывающие ту или иную версию, основанную на показаниях очевидцев, — рассказывает Авенир Овсянов. — Ту же Янтарную комнату, насколько помнится, только за последние годы искали и в подвалах Королевского замка, и на Бальге под Багратионовском, и под Балтийском. В область приезжали не авантюристы, а люди с разрешительными документами самого высокого уровня. Видимо, для разработки того или иного версионного объекта у них имелись весомые основания. Кстати, раскопки в руинах того же Королевского замка с 2005 года спонсировал авторитетный немецкий журнал «Шпигель». Согласитесь, что солидное издание вряд ли бы пошло на поводу у шарлатанов, если бы в редакции не имелись серьезные основания для раскопок.

Археологи, спонсируемые «Шпигелем», за несколько сезонов нашли немало и в самом деле ценных артефактов. В том числе необычную мистическую шкатулку, несколько медальонов и перстней с магическими знаками и надписями на иврите. Как выяснилось позже, оккультные вещицы были подарены одному из курфюрстов Восточной Пруссии самой Марии Медичи.

Однако, несмотря на систематические удачи, решить главную задачу: обнаружить секретный ход из Королевского замка экспедиции — не удалось. Тоннель, ведущий в подземный город, был умело подорван в нескольких местах.

— Немцы — весьма практические и пунктуальные люди, — утверждает известный в области краевед Сергей Трифонов. — Умеют прятать и хранить тайны. Вы можете себе представить, чтобы на завоеванной нами территории без видимых причин в Кёнигсберге остался главный хранитель Янтарной комнаты доктор Альфред Роде, имевший тысячу возможностей для эвакуации? О чём это говорит? Только о том, что шедевры и ценностей, которые для Роде были делом жизни, никогда не покидали Кёнигсберга.

ФОТО: RUDNIKOV.COM

НА ФОТО: СЕРГЕЙ ТРИФОНОВ

Все они остались на этой земле, а скорее всего, под землей. Профессор даже имитировал сотрудничество с тем же Брюсовым. Рассказывая ему об отдельных тайниках. Но так ничего и не сказал про Янтарную комнату. А если почитать стенограммы допроса последнего коменданта Кёнигсберга Отто Ляша, то всплывает также немало вопросов.

Генерал, проведший 10 лет в советских лагерях, умело уходил от ответа про судьбу художественных трофеев. Хотя лично отвечал перед Гитлером за сохранность культурных ценностей.

По мнению Трифонова, утраченные во время войны ценности действительно искали много и часто, но каждый раз не обращали внимания на самое очевидное место обустройства тайника.

— Бункер. Бункер последнего коменданта Кёнигсберга, где Отто Ляш руководил обороной Восточной Пруссии, где в итоге был подписан генералом акт о капитуляции, никем никогда не исследовался, — настаивает на своей гипотезе краевед. — С апреля 1945 года сданный Ляшем командный пункт воспринимался нами исключительно как символ победы. Этот идеологизированный штамп, по всей вероятности, и стал самым надежным прикрытием объекта. Здесь сразу же поспешили организовать музей истории штурма Кёнигсберга. Никто и не думал искать в нем ценности. Лист проще спрятать в лесу, а ценности, за которые отвечаешь, хранить при себе на видном месте. Во-первых, ты точно знаешь ограниченный круг лиц, допущенных к тайне. Во-вторых, даже в самом критическом положении держишь ситуацию под контролем. В-третьих, в случае поражения противник вряд ли поверит в столь несуразный тайник. Трудно убедить себя, что воевал с таким простаком.

СОХРАНИ СВОЕ

Первые основания для необычной версии появились у Трифонова еще в начале 1990-х. Когда еще молодой историк — сотрудник обкома партии — решил лично проверить поступивший в инстанции сигнал, выброшенный начальством в мусорную корзину. В письме из Германии некий бывший солдат вермахта рассказывал, что на воротах бункера Ляша перед установкой затворов были выбиты в срочном порядке охранные руны.

— Надо было понимать, что для фашистов рунический алфавит можно назвать вторым официальным, — вспоминает Трифонов. — Рунами маркировались каски, оружие. Из рунических комбинаций составлялись различного рода обереги. Только в Кёнигсберге за время пребывания у власти нацистов было издано 46 книг, трактующих язык рун. Вожди рейха были уверены, что языческая культура скандинавских воинов сохранит их от многих невзгод. Тем не менее даже при таком поклонении в городе, который уже находился на дистанции артобстрела, в срочно сооруженном командном пункте выбивать на воротах руны был явный перебор.

“ С момента окончания Второй мировой войны прошло уже почти 70 лет, но загадок, которые оставила самая кровавая в истории человечества военная кампания, не становится меньше.

ЗИЯЮЩИЕ ПУСТОТЫ

Проигнорировав советы старших товарищес, молодой историк посетил музей, и, пользуясь обкомовскими корочками, уговорил дирекцию тщательно осмотреть ворота. Одним осмотром дело не завершилось, поковыряв краску простым сапожным ножом, Трифонов действительно обнаружил на металлических створках письмена древних викингов. Всего 66 рунических знаков.

Не особо придавая внимания неожиданному открытию, краевед стал изучать историю строительства бункера последнего коменданта Кёнигсберга. Историю стремительную и скоротечную. Несмотря на строжайший режим секретности, командный пункт в центре Кёнигсберга был построен в конце 1944 года всего за три месяца, в условиях, когда противник уже вошел на территорию Восточной Пруссии.

— Тут-то и выяснилось много интересных деталей, — констатирует краевед. — Ясно, что бункер — это фортификационное сооружение. Ясно, что он должен коммуницировать с другими объектами управления. В этом вопросе логика была строго соблюдена. В непосредственной близости — ставка бургомистра, других бонз. По надежности тоже нет вопросов. Ширина потолка не позволяет пробить бетонную конструкцию самым мощным снарядом. Но для чего у сооружения, максимальная глубина которого не превышает семи метров, было сделано 16-метровое бетонное основание? Это и лишняя траты дефицитных тогда стройматериалов, и необъяснимое затягивание сроков строительства. Кто-то боялся тихого подкопа диверсантов или кёнигсбергских мышей? Смешно.

Прошло время, а хаотичные открытия не давали Сергею Трифонову покоя. Частично ответ на риторический вопрос настырного историка дали бельгийские ученые, которых удалось вытащить в Калининград в 2001 году. Признанные специалисты в области древних скандинавских футакров пришли к единодушному выводу: несмотря на противоречивые сочетания рун, сама комбинация делалась с целью оберега.

Но оберега конкретных людей, находящихся в помещении, или чего-то иностранного, западные специалисты сказать точно не сумели. При этом заметив, что для «охраны» штабов, других важных военных объектов, нацисты предпочитали более лаконичные надписи.

— Особенно неоднозначно звучало сочетание части цепочки, звучащее дословно как «сохрани свое», — вспоминает Трифонов. — Это, конечно, может означать все, что угодно. Но, кажется, больше предназначено для конкретных вещей и ценностей.

ко дней расшифровки полученных данных и борьбы за живучесть, и получение новых старых разрешительных резолюций.

ИГРА ВСЛЕПУЮ

В принципе сомнения представителей местной бюрократии понять несложно. Ни Трифонов, ни его единомышленники не говорят, что ищут. Куда бы проще было объявить: экспедиция собирается откопать Янтарную комнату. Когда объект поисков конкретизирован, одобрильные резолюции, по странному стечению обстоятельств, появляются гораздо быстрее.

— Для того чтобы знать, что хранится под бункером Отто Ляша, надо быть Отто Ляшем, — отшутивается Трифонов.

— На самом же деле любая экспедиция — это игра вслепую. Та же группа коллег, спонсируемая «Шпигелем», искала Янтарную комнату, а нашла оккультную шкатулку.

Что касается самой известной пропажи XX века, Трифонов уверен — найти Янтарную комнату в ее первозданном виде по прошествии стольких десятилетий будет крайне сложно. Со временем деревянные панели, на которых держались узоры из солнечного камня, рассохлись или, наоборот, сгнили от влаги. Клей потерял свои свойства. Если Янтарную комнату и удастся отыскать, утраченный шедевр будет представлять из себя груду ящиков с ничем не выразительной кучей камней и расслоившегося дерева. Трудно предположить, что нацисты надолго законсервировали спрятанное сокровище, например, полностью залив ящики воском.

— Тем не менее поиски стоит продолжать. И не только из научных интересов, — резюмировал руководитель экспедиции. — Во-первых, Янтарная комната — это символ. Найти даже ее останки — это все равно событие. Нацисты вывезли художественных ценностей из оккупированной территории на миллиарды долларов, и многое до сих пор не найдено. Ну и помимо пищи духовной есть и вполне материальные вещи. Например, доподлинно известно: на момент начала штурма Кёнигсберга в хранилище имперского Дойче-банка находилось более четырех с половиной тонн золота. Куда оно потом делось, никому не известно. Ревизия представителей финансового управления Красной Армии на следующий день после взятия города подтвердила: подвалы кредитного заведения пусты. Может, обнаруженная георадаром аномалия цветных металлов рядом с бункером коменданта и есть ключик к еще одной тайне прошедшей войны?

Столица Восточной Пруссии являлась официальным местом базирования художественных трофеев

ЧЕРНЫЕ РАДИОСТАНЦИИ ДОКТОРА ГЕББЕЛЬСА

Как фашисты боролись за души бойцов Красной Армии

Д. ЖУКОВ, И. КОВТУНОВ

Специально для «Совершенно Секретно»

Одной из самых важных и коварных задач нацистской пропаганды с началом войны стало психологическое воздействие на войска и население Советского Союза — с помощью методов, уже опробованных на гражданах рейха. В ход шло все: тщательно подобранные факты из большевистской действительности умело сочетались с откровенной ложью, подтасовками и фальсификациями. Идеи и лозунги коричневых пропагандистов должны были помочь вермахту сломить сопротивление Красной Армии, пробудить в командах и солдатах РККА чувство тревоги и неуверенности, недоверия по отношению к советскому руководству, посеять панику, разжечь ненависть к политработникам и представителям национальных меньшинств. Гражданскому населению внушалось, что крах большевизма неминуем, а потому следует смириться и сохранять лояльность «новому порядку».

«ГРЯЗНОЕ ДЕЛО»

Во внутренних документах подчиненные Геббельса вполне откровенно отмечали: «Пропаганда разложения — грязное дело, не имеющее ничего общего с верой или мировоззрением. В этом деле решающим является сам результат. Если нам удастся завоевать доверие противника тем, что мы обольем грязью своего фюрера и его сподвижников, свои методы и свое мировоззрение, и если нам удастся проникнуть в раскрывшиеся для нас души солдат противника, заронить в них разлагающие лозунги (совершенно безразлично, будут ли это марксистские, еврейские или интеллигентские лозунги, лишь бы они были действенны), то этим будет достигнуто гораздо больше, чем самой доходчивой проповедью о большевистской опасности и плутократической системе».

Ключевое место в проведении подобной деятельности и отводилось организации «Винета». Это подразделение министерства пропаганды было сформировано в самом начале 1941 года и вплоть до германского вторжения в СССР носило строго секретный характер (рядовые сотрудники «Винеты» находились на казарменном положении, без всякой связи с внешним миром). Идея создания подразделения принадлежала доктору Эберхарду Тауберту, начальнику восточного отдела министерства пропаганды. К тому времени Тауберт уже был известен как один из создателей печально знаменитой нацистской киноагитки «Вечный жид», а в ведомстве Геббельса он считался главным специалистом по Советскому Союзу.

«Винета» разместилась в здании бывшего иранского посольства в Берлине, на Виктория-штрассе, 10. Руководителем подразделения был назначен доктор Генрих Курц.

В ноябре 1941 года он передал свои полномочия Теодору фон Радлоффу, которого, в свою очередь, сменил доктор Ганс Хумпф. В конце войны «Винета» возглавил уроженец Москвы, историк Герман Грайфе.

К работе в «Винете» нацисты сумели привлечь значительное число коллаборационистов. Все они были распределены

НА ФОТО: ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

Справка

В годы войны в фашистской Германии, под крылом ведомства доктора Геббельса, был создан могущественный «медиа-холдинг», главными задачами которого как раз являлись возбуждение у советских солдат и гражданского населения ненависти к государству и слом воли к сопротивлению...

Винета — так согласно средневековым европейским источникам именовался полулегендарный торговый центр славян-язычников, расположенный на одном из островов в устье Одера.

В середине XII века этот крупный и богатый город был уничтожен датчанами. В 1941 году слово «винета» приобрело еще одно значение. Под этим наименованием скрывалось одно из самых необычных подразделений Имперского министерства пропаганды доктора Геббельса. Здесь служили многочисленные представители российской эмиграции; чуть позднее в организацию начали периодически направляться также бывшие советские военнопленные и перебежчики.

«Винета» была ответственна за изготовление на языках народов СССР брошюр, листовок, газет, плакатов, грампластинок, а также за вещание так называемых черных радиостанций и кинопропаганду. Вплоть до самого конца войны «Винета» являлась одним из основных рычагов нацистских специалистов «по промывке мозгов» на Восточном фронте...

по национальным секциям, представлявшим почти все республики и самые крупные народы СССР. Здесь «трудились» прибалты, украинцы, белорусы, представители среднеазиатского и кавказского регионов. Однако самым большим отделом «Винеты» стал русский, численность которого достигала, по некоторым оценкам, нескольких сотен сотрудников. Возглавил этот отдел Александр Павлович Альбов (1902–1989), в прошлом подпоручик Измайловского полка и георгиевский кавалер. В конце войны он был назначен начальником отдела пропаганды военно-воздушных сил власовского Комитета освобождения народов России (КОНР), а после 1945 года натурализовался в США.

За вербовку русских эмигрантов в «Винету» непосредственно отвечал генерал Василий Бискупский, руководитель «Бюро для русских беженцев в Германии». Надо сказать, что в тяжелых военных условиях, при фактическом отсутствии нормальной работы, очень многие эмигранты, в том числе и не разделявшие идеи нацистов, вынуждены были соглашаться на предложение Бискупского.

К примеру, в январе 1942 года на службу в «Винету» в качестве переводчика поступил Сергей Набоков, родной брат известного писателя. Интересно, что Сергей Владимирович незадолго до этого был арестован властями за гомосексуализм. Однако за отсутствием прямых доказательств он был выпущен на свободу и в поисках куска хлеба оказался на Виктория-штрассе. В ноябре 1943 года Набокова повторно арестовали, бросили в концлагерь Нойенгамме, где незадолго до окончания войны он и умер от голода.

Впрочем, были среди эмигрантов и те, кто пошел на работу в «Винету» вполне охотно. В первую очередь речь идет о членах Национально-трудового союза нового поколения (позднее — Народно-трудовой союз, НТС). «Новопоколенцы» были единственной крупной политической эмигрантской организацией, которая пошла в 1941 году на сотрудничество с нацистами, в частности с германскими пропагандистскими, разведывательными и карательными органами. Более того, до определенного момента немцы сквозь пальцы смотрели на то, что члены НТС проводят на подконтрольных Германии территориях свою политическую работу и вербуют в свои ряды бывших советских граждан. Рядовым соратникам союза руководствовшало мысль о том, что сотрудничество с нацистами носит лишь тактический характер. При этом известно множество примеров, когда «новопоколенцы» оказывались напрямую замешаны в кровавых преступлениях оккупантов.

Итак, в «Винету» поступило немало членов НТС. К примеру, Игорь Новосильцев и Борис Брюно заняли здесь должности дикторов, Алексей Шермазанов стал переводчиком, Сергей Иегулов — редактором, Андрей Боровский — корректором, Георгий Широбоков заведовал материальной частью, Юрий Измельцев числился просто как «сотрудник».

По воспоминаниям первого руководителя «Винеты» Г. Курца, в середине августа 1941 года к работе стали активно привлекаться бывшие советские военнослужащие: «На втором этаже здания на Виктория-штрассе мы создали небольшой лагерь военнопленных. Со временем здесь стали появляться очень известные военнопленные, среди них — примерно в

октябре 1941 года — сын Сталина, майор артиллерии, попавший в плен на участке группы армий Центр. После того как сын Сталина был однозначно опознан бывшей секретаршой Клары Цеткин, начали готовить большую радиопрограмму с его участием... Особенno примечательным было то, что сын Сталина позволил себе пренебрежительные замечания о советском руководстве и смысле войны».

Большая часть привлеченных к пропагандистской работе военнопленных (в основном они сочиняли статьи для газет, адресованных их соотечественникам) спустя непродолжительное время были вновь возвращены в лагеря. Однако кое-кто смог доказать свою «полезность» и даже сделать «карьеру». К примеру, бывший полковник РККА Георгий Ильич Антонов окончил школу пропагандистов в Дабендорфе, стал вербовщиком в ряды власовского движения, а в конце войны занимал высокие должности в штабе вооруженных сил КОНР.

Один из бывших военнопленных, ставший коллаборационистом, Михаил Самыгин, после войны вспоминал: «Многие из нас работали на «Винету», за заказанные тексты они платили хорошо».

Примерно с середины войны в организацию стали привлекаться люди, хорошо зарекомендовавшие себя на работе на оккупированных территориях. Одним из них стал агент СД и непримиримый антисемит Лев Дудин, до этого редактировавший киевскую русскоязычную газету «Последние новости». В своих мемуарах он откровенно отмечал, что «каждый номер газет и почти каждая передача по радио для «освобожденного» населения Советского Союза должны были обязательно включать материалы антисемитского характера... Антиеврейская пропаганда была тем козырным тузом, который должен был нанести политически смертельный удар по большевизму».

Еще один сотрудник «Винеты» из числа коллаборационистских журналистов, Аркадий Каракатенко, свидетельствует: «Немцы держали меня в резерве для политической работы, предоставили мне домик в деревне и прочее». По словам Каракатенко, к концу войны в организации работали «около 3000 человек, включая множество пустышек, именовавших себя профессорами, много актеров».

В число изначальных задач «Винеты» входило изготовление плакатов, табличек и объявлений, которыми снабжались германские войска после начала войны против Советского Союза. К этому добавлялась подготовка пропагандистских материалов, в том числе листовок, тезисы для которых присыпались из министерства пропаганды. Также готовились радиопередачи пропагандистского содержания. Кроме того, была создана группа для транскрипции географических названий на картах генерального штаба из кириллицы в латиницу. Г. Курц вспоминал: «Расширение задач повлекло за собой и кадровое расширение ведомства. Масштабные закупки сопутствующих материалов, в том числе больших запасов шнапса и сигарет всех разновидностей, привели к возникновению коррупционных проблем... В аппарат «Винеты» стал все в больших количествах проникать и женский элемент, что сопровождалось отвратительными побочными явлениями».

«ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ, ГОВОРИТ ГЕРМАНИЯ!»

В первые часы после начала германской агрессии против СССР работники «Винеты» начали радиотрансляции, которые состояли из обращения министра по делам оккупированных восточных территорий Розенберга и призыва Геббельса к населению непосредственно за линией фронта.

Все первые месяцы войны радиопередачи велись на шести языках (русском, украинском, белорусском, эстонском, латышском и литовском). При этом основное внимание было уделено обращениям к потенциальным перебежчикам и пропаганде «преимуществ» пленца.

Надо сказать, что силы и средства нацистской радиопропаганды в 1941 году выглядели довольно внушительно. Для вещания на военнослужащих РККА и население, находящееся в советском тылу, было задействовано 35 радиоцентров мощностью до 150 киловатт. Существенную проблему для радиопропагандистов «Винеты» представляло то, что в Советском Союзе почти отсутствовали адекватные средства радиоприема. Квартиры обычных граждан были оснащены проводным радио и, следовательно, закрыты для «вражеских голосов». Современные радиоприемники в СССР

были доступны только семьям, обладавшим высоким статусом в советском обществе, а также относительно немногочисленным радиолюбителям.

После начала войны советскими властями было приказано сдать все радиоприемники под предлогом того, что эфир переполнен «антисоветской и профашистской пропагандой». Бывший коллаборационист Пётр Палий, попавший в немецкий плен в июле 1941 года, свидетельствует, что ему, еще будучи майором РККА, удалось ознакомиться с содержанием этой пропаганды: «Я прошелся по диапазону. Вот послышалась русская

речь, оркестр заиграл «Полюшко-поле»... И вдруг: «Убийца, парапоник, бешеная собака и беспринципный террорист...» — на чистом русском языке, спокойно и четко говорил кто-то. — «За что вы боретесь... Кого вы собираетесь защищать ценой своей крови, своей жизни? Коммунистов? Жидов?»

Несмотря на то что при отступлении Красной Армии имелась четкая инструкция, согласно которой радиостанции должны уничтожаться в первую очередь, вермахту удалось захватить радиоцентры в Риге, Вильнюсе, Кишинёве, Минске, Львове и Киеве без серьезных повреждений и ввести их в строй.

ГИТЛЕР И ЕГО БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ — ГЕРИНГ, ГЕББЕЛЬС И ГЕСС (СЛЕВА НАПРАВО)

“ Несмотря на то что при отступлении Красной Армии имелась четкая инструкция, согласно которой радиостанции должны уничтожаться в первую очередь, вермахту удалось захватить радиоцентры в Риге, Вильнюсе, Кишинёве, Минске, Львове и Киеве без серьезных повреждений и ввести их в строй. ”

ний и ввести их в строй. В последующем радиостанции и радиоузлы заработали почти во всех относительно крупных оккупированных городах.

Наибольший интерес вызывают попытки сотрудников «Винеты» вести так называемую черную пропаганду, когда вещание осуществлялось как бы от лица антисталински настроенных марксистов, троцкистов, монархистов, националистов и т.д.

Одну из таких радиостанций возглавил Карл Иванович Альбрехт (1897–1969), впоследствии оставивший об этом эпизоде своей бурной биографии достаточно подробное свидетельство. Надо сказать, что Альбрехт с начала 1920-х годов был немецким коммунистом, затем перебрался в Советскую Россию, где со временем стал заместителем народного комиссара лесного хозяйства. В начале 1930-х годов на волне начавшейся шпиономании его арестовали как «агента рейхсвера» и даже приговорили к смертной казни, однако выслали за пределы СССР. К 1938 году Альбрехт окончательно разочаровался в коммунизме и перешел на службу к нацистской пропаганде. Его книга «Переданный социализм» неоднократно издавалась в рейхе огромными тиражами и впоследствии распространялась на оккупированных территориях.

В 1941 году Альбрехт поступил в распоряжение «Винеты». Он вспоминает: «Когда началась война на Востоке... мне поручили собрать штат сотрудников, чтобы организовать трансляцию определенных радиопередач для Востока и руководство радиостанцией. Помимо прочего, пять радиопередатчиков должны были по несколько часов днем и ночью посыпать в эфир призывы к красноармейцам, прежде всего к старым ленинцам, чтобы убедить солдат сложить оружие и перебежать к нам.

Так как я был убежден в виновности Сталина, в том, что он обрек народы и людей Востока на ужасное рабство и передал основы марксизма и учение Ленина, верных приверженцев которого преследовали и убивали, я охотно ухватился за возможность напасть на человека, которого я ненавидел...

Для ведения работы в мое распоряжение предоставлялся весь разведывательный материал о том, что происходит на Востоке, — не только фронтовые сводки, но и сообщения из советского

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Бей жида - политрука, рожа просит кирпича!

Комисары и политруки принуждают вас к бессмысленному сопротивлению.

Гоните комисаров и переходите к немцам.

Переходите к немцам пользуясь либо лозунгом:
Бей жида - политрука, рожа просит кирпича!

тыла, сведения о перебежчиках, тайные отчеты работающих по ту сторону фронта шпионов и агентов. И все же я бы никогда не решился взяться за эту задачу, если бы мне не была дана возможность лично подбирать сотрудников среди военнопленных офицеров, млад-

ших офицеров и солдат Красной Армии. Уже в июле 1941 года в моем распоряжении было семь красноармейцев, которых я сам отобрал в спецлагере Берлин-Вульхайде из сотен восточных военнопленных, большей частью интеллигентов».

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Красноармеец!
ты ИДЕШЬ
«ОСВОБОЖДАТЬ»
НАРОДЫ?

**Освободи Сперва сам себя,
от своих угнетателей!**

Радиостанция Альбрехта должна была создавать впечатление, что на другой стороне фронта существует нелегальная группа старых большевиков-ленинцев, которая занимается распространением речей и лозунгов Ленина «с тем, чтобы свергнуть Сталина и призвать к созданию ленинского политбюро и ленинского правительства».

Примерно весной 1942 года деятельность подобных «черных» радиостанций была признана неудовлетворительной и нецелесообразной, видимо, из-за того, что в рядах РККА после масштабных чисток второй половины 1930-х годов «старых ленинцев» и тем более троцкистов почти не осталось. Практически все подобные радиостанции были упразднены.

«РОЖА ПРОСИТ КИРПИЧА»

Помимо организации радиовещания, сотрудники «Винеты» активно привлекались также к созданию, переводу и озвучиванию пропагандистских кинороликов и фильмов, расписывающих преимущества «нового порядка». Один из таких псевдодокументальных фильмов, «Мы едем в Германию» (1943), преследовал задачу привлечь местное население на работу в рейх. Здесь показывался путь простых «граждан с Востока», которые завербовались на «трудовой фронт».

С первых кадров зритель оказывался в объятиях антисемитских и антибольшевистских клише, однако вершиной изобретательности авторов фильма стала сцена с раздачей будущим оstarбайтерам алкогольных напитков. Голос диктора провозглашал: «Перед посадкой в вагоны — последние формальности: перекличка и объявление о правилах во время пути. Администрация вербовочной комиссии сообщает, сколько дней продлится путь в Германию и какой будет выдан паек на дорогу. Кроме пайка, каждому будет выдана бутылка водки. Переводчик по этому поводу отпустил какую-то шутку. Вы видите: люди смеются и хлопают в ладоши. Действительно, в пути бутылка водки никогда не лишняя!»

Но все же самой большой объем продукции составляли печатные материалы — плакаты, листовки и брошюры. При этом функционеры ведомства Геббельса постоянно жаловались на то, что у них «связаны руки»: министерство пропаганды обладало собственным аппаратом только в рейхе, а на оккупированных территориях оно было вынуждено прибегать к помощи отделов пропаганды вермахта. Тем не менее в передовые части германской армии на оккупированные территории СССР из «Винеты» шел беспребойный поток различных материалов. В 1942 году только для распространения в областях Восточной Украины было доставлено 24 вагона с агитационной продукцией. Отделы и роты пропаганды вермахта были ответственны за максимальное распространение всех этих материалов на подведомственной им территории. Так, заборы, стены и фасады домов густо оклеивались многочисленными ярко-красочными плакатами, самым массовым и известным из которых, несомненно, был «Гитлер — освободитель!».

В одном из своих отчетных документов сотрудники Геббельса не без удовлетворения отмечали: «Каждый немецкий солдат, который был в таких городах, как Смоленск или Харьков, знает, что во времена немецкой оккупации эти города были настолько облеплены плакатами, как это имело место у нас в период борьбы на выборах, а может быть, еще больше того. Но не только большие города, но и самые отдаленные пункты получали пропагандистский материал». Знаменитый советский журналист и писатель, в годы войны корреспондент «Красной звезды» Илья Эренбург в фельетоне, посвященном оккупированному Курску, писал: «Городская управа заседала раз в месяц под портретом Гитлера. Тирольский шпик был изображен в красках с подписью: «Адольф Гитлер, освободитель».

Еще одним чрезвычайно распространенным образчиком подобной пропаганды был плакат, на котором было изобра-

жено хитре семитское лицо, вписанное в желтую шестиконечную звезду. Эта картинка была размещена на черном фоне и накладывалась на текстовую часть, построенную по принципу «вопрос – ответ». Плакат содержал несколько десятков вопросов вроде: «Кто залил вашу землю кровью и слезами и принес вам голод?»; «Кто захватил себе лучшие жилища?»; «Кто работал меньше всех, а жрал всегда сытно и обильно?» и т.д. На каждый такой вопрос следовал однозначный ответ: «Жиды» (это слово было набрано более крупным шрифтом). Плакат дополнялся крупными лозунгами, напечатанными прописными красными буквами: «Жиды – ваши вечные враги!» и «Сталин с жидами – одна шайка преступников!». Только на одном этом плакате слово «жиды» повторялось целых 50!

Однако самой массовой формой «активной пропаганды» были, разумеется, листовки. Достаточно сказать, что всего за время Второй мировой войны различными пропагандистскими структурами Германии было изготовлено и распространено на фронтах 5 млрд листовок.

При составлении текстовой и визуальной частей листовок сотрудники «Винеты» не брезговали никакими методами. Пожалуй, самым известным и наиболее одиозным образцом этого вида пропаганды была листовка с лозунгом: «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!»

“

На обратной стороне был помещен стандартный «пропуск» с немецким и русским текстом: «Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских вооруженных сил».

Эта листовка была отпечатана в сентябре 1941 года тиражом 160 млн экземпляров и широко распространена по всему советско-германскому фронту с помощью различных средств доставки (главным образом путем применения специальных агитационных авиабомб и артиллерийских агитационных снарядов).

На лицевой стороне листовки под указанным лозунгом были помещены две картинки. На первой (с подписью «Комиссары и политруки призывают вас к бессмысленному сопротивлению») был изображен прячущийся за руинами «еврейский комиссар», вооруженный пистолетом, направленным в спину наступающей советской пехоты. Вторая картинка иллюстрировала желательное для немцев поведение красноармейцев: часть из них подняла руки перед германскими позициями, а остальные окружили комиссара, поверженного на землю. Один из бойцов вырывается из рук комиссара пистолетом, другой замахивается кирпичом. На обратной стороне был помещен стандартный «пропуск» с немецким

и русским текстом: «Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских вооруженных сил». Немецкие офицеры и солдаты окажут ему хороший прием, накормят его и устроят на работу».

Как известно, ни о каком «хорошем приеме» в 1941 году не могло идти и речи. Едва ли не большая часть из попавших в немецкий плен в первые месяцы войны (приблизительно 3,5 млн человек) погибла.

Кроме листовок, сотрудники «Винеты» высыпали на оккупированные территории специальные бюллетени с уже готовыми пропагандистскими материалами, которые должны были быть опубликованы в местной коллаборационистской прессе. В 1980-е годы Владимир Соколов, один из авторов оккупационной газеты «Речь» (Орёл), в ходе судебного следствия по делу о лишении его американского гражданства признал, что получал от отдела пропаганды вермахта соответствую-

ющие пропагандистские материалы. Его задача заключалась в том, чтобы «переработать эти материалы и сделать их более понятными для русскоязычных читателей «Речи».

В самом конце войны, когда нацисты с подачи СС решили разыграть «власовскую карту», организация «Винета», по сути, превратилась в подразделение переводчиков. Основные задачи по «разложению противника» были с нее сняты, а большинство пропагандистов уволены либо переведены в соответствующие структуры КОНР, подчиненные Власову.

Подавляющее большинство русских сотрудников «Винеты» после войны сумели благополучно избежать не только выдачи советским органам госбезопасности, но и вообще ушли от какой-либо ответственности. Ничего удивительного – в преддверии холодной войны их пропагандистские таланты оказались крайне востребованы на Западе. Поэтому вскоре имена из списков «Винеты» замелькали в штатах радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа»... ■

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУЖДЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2019 РІК
в будь-якому відділенні Укрпошти

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 Міністерство транспорту та зв'язку України
АБОНЕМЕНТ на газету

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

на 2019 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

(адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер
----	-------	-------

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

Вартість передплата Кількість компл.

на 2019 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

місто

індекс

село

01001

область

код вулиці

район

буд.

вулиця

корп.

прізвище, ініціали

кв.

Передплату також можно оформити за тел. (044) 207-97-25, на сайті makret.umh.ua

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск» №12(153) от 11.12.2012

Учредитель и издатель:

ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ
КВ № 18954-7744 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
e-mail: topsekretno@gmail.com
Tel./факс редакции: +7 (495) 544 30 37

Фонд Артема БОРОВИКА: www.fondartem.ru
Рукописи, присланные в редакцию, не рецен-
зируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с ме-
ниением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-
жание рекламы. Во всех случаях типограф-

ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2018

Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №66518

РЕКЛАМА

№ 12/355
ДЕКАБРЬ 2018
Стоят ли Украина и Россия на грани войны
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА
Основатели Юлий и Ольга КОЛІНЧУКИ
С 1989 ГОДА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

БЮДЖЕТ 2019

ЧТО НАС ЖДЕТ?

СТРАНА 6
ОБЩЕСТВО 12
ИСТОРИЯ 24
ДЕ АНТИ КОРУПЦІЙНИЙ СУД?
П'ЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ МАЙДАНА
#ІДІТУСРАКУ JE SUIS ЕВРОБЛЯХЕР
ОДА КЛИЧУ

Уже в продаже

Свідоцтво про держреєстрацію Серія КВ, № 18953-7743PR від 02.03.2012р.

Спецвипуск №11 [112] СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ
ГЕНІЙ і ЗЛОДЕЙСТВО
«Секреты истории»

РЕКЛАМА

Астропрогнозы и астроподсказки на 2019 год!

Гороскоп!

ПЛАНЕТЫ-2019:
ПЕРИОД НАКОПЛЕНИЯ ЗАВЕРШЕН, ВПЕРЕДИ – РЫВОК

ЧТО КАБАНУ ПО ВКУСУ:
ПРЕВРАТИТЕ СВОЮ ЖИЗНЬ В СКАЗКУ

КНИГА ПЕРЕМЕН
ПОДСКАЖЕТ, КУДА ДВИГАТЬСЯ ДАЛЬШЕ

БЛАГОСЛОВЕНЕН БУДЕТ ВАШ СОЮЗ,
ЕСЛИ ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ ВРЕМЯ ДЛЯ СВАДЬБЫ

Год Кабана:

Крепче держитесь на виражах

ПОКУПАЙТЕ В МЕСТАХ ПРОДАЖИ ПРЕССЫ
ТАКЖЕ СПЕЦВЫПУСК «ГОРОСКОП» МОЖНО ЗАКАЗАТЬ
ПО ТЕЛЕФОНУ (044) 207-97-25 или на сайте market.umh.ua

№14 [114]
ТЕЛЕКОЛ Спецвыпуск
Гороскоп!
2019
ГОРОСКОПЫ НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ:
ВОСТОЧНЫЙ ЗОДИАКАЛЬНЫЙ ЗОРОАСТРИЙСКИЙ ГОРОСКОП НАСЕКОМЫХ
ЧИСЛО ГОДА СОВМЕСТИМОСТЬ ЛЮБОВЬ ТАЛИСМАНЫ КНИГА ПЕРЕМЕН
Год Кабана: стань Суперзвездой